

Санкт-Петербургский государственный университет

**ВИЗУАЛИЗАЦИЯ ОБРАЗА МИГРАНТА-МУСУЛЬМАНИНА
В ЗАПАДНЫХ МЕДИА КОНЦА XX — НАЧАЛА XXI ВЕКА**

Выпускная квалификационная работа по направлению

51.04.01 Культурология

Основная образовательная программа - Культура медиа

Исполнитель:

Миронова Дарья Александровна

Научный руководитель:

д. ф. н., профессор

Дианова Валентина Михайловна

Рецензент:

д. культурологии

Демшина Анна Юрьевна

Санкт-Петербург

2017

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
ГЛАВА 1. ПРЕДПОСЫЛКИ ФОРМИРОВАНИЯ ОБРАЗА МИГРАНТА-МУСУЛЬМАНИНА В ЗАПАДНЫХ МЕДИА.....	14
1.1 Роль социальных стереотипов в формировании медиаобразов.....	14
1.2 Образ Другого в контексте дихотомии «Запад-Восток».....	23
1.3 Мусульмане глазами европейцев. VII-XX вв.....	27
1.4 Ислам в современной Европе и первые медиаконфликты.....	35
ГЛАВА 2. ПОДХОДЫ К ВИЗУАЛИЗАЦИИ ОБРАЗА МИГРАНТА-МУСУЛЬМАНИНА В ЗАПАДНЫХ МЕДИА.....	41
2.1 Исламофобия как доминирующий дискурс в западных медиа.....	41
2.2 Мультикультурный дискурс.....	51
2.3 Иные подходы к визуализации образа мигранта-мусульманина.....	56
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	61
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ.....	64
СПИСОК ЭЛЕКТРОННЫХ РЕСУРСОВ.....	69

ВВЕДЕНИЕ

В современном мире практически не осталось монокультурных обществ – этнический и культурный состав всех национальных государств утрачивает свою однородность. В первую очередь, это вызвано тем, что экономически развитые страны в условиях современной мировой экономики нуждаются в рабочей силе, жители же стран отсталых в экономическом отношении заинтересованы в получении работы – это неминуемо приводит к увеличению количества иммигрантов в странах Западной Европы¹.

Кроме того, развитие международной торговли, расширение границ туризма и культурного диалога между учеными и деятелями искусства со всего мира приводит к определенной культурной неоднородности даже в регионах свободных от больших потоков мигрантов. Совместное существование представителей различных культур, религий и этносов приводит, с одной стороны, к их положительному взаимному влиянию, но с другой – к многочисленным конфликтам на этнической и религиозной почве.

Любые исследования, посвященные росту численности мусульман в Европе и распространению ислама и затрагивающие проблемы, встающие перед европейским обществом в связи с этими явлениями крайне актуальны и интересны не только специалистам и ученым, занимающимся непосредственно этой тематикой, но и всем, кто хочет быть в курсе современных социальных, политических и культурологических процессов.

Кроме того, Россия с некоторым опозданием тоже сталкивается с проблемой взаимоотношений местного населения с мигрантами-мусульманами, и для гармонизации этих отношений государство должно избрать верную

¹ Канарш Г.Ю. Мультикультурализм: социальная концепция и социальные практики // Знание. Понимание. Умение. 2011. № 1. С.87-95.

политику, безусловно, опираясь на опыт европейских стран.

Несколько десятилетий назад исследования, касающиеся проблем мусульманского меньшинства в Западной Европе, носили скорее описательный характер. Позднее политики спорили об условиях предоставления гражданства и возможности выделения социальных льгот мигрантам, также обсуждались возможные пути интеграции и ассимиляции мусульман. В наши дни политики и ученые задаются новым вопросом: возможно ли вообще интегрировать ислам в светское государство, а мусульман в европейское общество ²?

Как и любая другая тема, вызывающая живой общественный интерес, проблема межкультурного взаимодействия получила широкое освещение в средствах массовой информации и оказалась в центре сюжетных линий множества художественных фильмов. Репрезентируемый в современных медиа образ мусульманина-иммигранта с одной стороны становится выражением общественного мнения, но с другой стороны, способен его формировать, трансформировать или поддерживать. Таким образом, мы можем говорить о пассивном и активном компонентах медиа, изучение которых в настоящее время становится все более актуальным.

В средствах массовой информации и художественной культуре стран Запада широкое распространение получили стереотипные и односложные образы мусульман, репрезентирующие ислам в искаженном виде. Причины формирования подобных стереотипов, в первую очередь, стоит искать в истории конфликта между Востоком и Западом, который начался задолго до появления ислама. В широком общественном мнении противостояние христианской и мусульманской культур принимает образ взаимной ненависти и вражды, предопределенной исторически и существовавшей на протяжении веков.

² Ачкасов В.А. Мегаполисы перед вызовами иммиграции из мусульманских стран // «Ислам в России: культурные традиции и современные вызовы». Материалы из международной научной конференции. Санкт-Петербург, 26-28 сентября 2013 г. / Под ред. Т.Г. Туманяна. Спб., 2013. С.18.

Образ ислама как источника угрозы для Запада уже давно укоренился в западноевропейской культуре и активно репрезентируется в СМИ. Ярким примером могут послужить события, связанные с публикацией в конце 80-х годов книги «Сатанинские стихи» Салмана Рушди. Когда иранский религиозный и политический деятель аятолла Хомейни вынес смертный приговор автору книги, признав ее содержание оскорбительным для ислама, мировая общественность резко негативно отреагировала на решение, столь чуждое западным ценностям. Всплесками ненависти на религиозной почве ознаменованы многочисленные события последних лет, связанные с вооруженным нападением на редакцию сатирического журнала Шарли Эбдо, серией масштабных терактов в Париже, новогодними нападениями на женщин в Кёльне и многие другие.

Формируясь в ходе истории, этот негативный стереотип приобрел идеологический характер. Представление об исламе как о величайшей угрозе для западной цивилизации становится всё более распространенным во всём мире.

Однако прошлое бывших колониальных империй бесконечно возвращает страны Запада к рефлексии и чувству долга перед выходцами из стран, долгое время находившихся под их контролем. Страны Европы принимают иммигрантов не равномерно со всего мира. В каждой из бывших колониальных стран представителям одного народа дается предпочтение по отношению к представителям другого. Более того, это неравенство иногда закреплено даже в законодательных актах. В Великобритании большую часть иммигрантов составляют выходцы из Пакистана, Индии и бывших африканских колоний. Великобритания и её бывшие колонии до сих пор сохраняют взаимодействие —

страны Содружества³ регулярно проводят общие мероприятия, вроде спортивных Игр Содружества, объединены официальным английским языком, многие из них признают в качестве главы государства английскую королеву.

Во Франции привилегии выходцев из колоний не институционализированы, но неформальное сотрудничество с бывшими колониями мы можем видеть в сохранении французского военного присутствия во многих странах Африки, в принятии властями Франции решений, способствующих разрешению конфликтов между бывшими колониями. Франция принимает в первую очередь мигрантов из стран Французской Северной Африки: Алжира, Туниса, Марокко.

Подобное разделение на покровителей и подопечных создает еще большее количество стереотипов и лишь усиливает дихотомию Восток-Запад, выражающуюся не в равной борьбе цивилизаций, но, скорее, в отношениях сильного и слабого, развитого и развивающегося, угнетателя и жертвы, благотворителя и нуждающегося. Наряду с образом мусульманина-врага, мы неизбежно сталкиваемся с образом мусульманина-жертвы или младшего товарища, которому необходимы помощь и понимание.

Как мы видим, любые стереотипы о мусульманах лишь увеличивают пропасть между христианской и мусульманской цивилизациями. Эти стереотипы репрезентируются в книгах, художественных и документальных фильмах и, конечно, во всех средствах массовой коммуникации, где оказываются невероятно востребованными и популярными. Эти стереотипы порой возводятся в политические теории (например, теория о столкновении цивилизаций С.Хантингтона).

Образ ислама в массовом сознании является с одной стороны отражением общественного мнения, но с другой, целенаправленной политикой СМИ.

³ Содружество наций — добровольное межгосударственное объединение 53 суверенных государств (один член на данный момент приостановил своё членство), в которое входят Великобритания и почти все её бывшие доминионы, колонии и протектораты.

Многokратно воспроизводимые в медиа образы мусульман могут играть главную роль в манипуляции общественным сознанием. Ярким примером влияния медиапропаганды на общественное мнение может послужить увеличение числа инициированных христианами конфликтов с мусульманами после нападения на редакцию журнала Шарли Эбдо. Число нападений на мусульман, по заявлению французской организации «Против исламофобии», значительно увеличилось с 37 в первом квартале 2014 года до 222 в первом квартале 2015.

События 11 сентября 2001 г. привели к укреплению дихотомии Восток-Запад и распространению негативных представлений об исламе в странах Запада, что, с одной стороны, привело к усилению напряженности в межкультурной коммуникации,⁴ но с другой, к появлению огромного количества медиатекстов, демонстрирующий иной образ ислама, призывающих к пониманию, уважению и состраданию.

Западные медиа играют огромную роль в формировании мирового массового сознания. Изучение механизмов, используемых западными медиа в производстве, воспроизводстве и создании новых идеологических конструктов, представляется нам крайне важным.

Цель и задачи. Целью данной работы является выявление и анализ западных стереотипных представлений о мусульманском мире в целом и мигрантах-мусульманах в частности (на примере образов, репрезентируемых в западных медиа).

Достижение этой цели предполагает решение следующих научных задач:

1) обнаружение и обозначение западных взглядов и культурных установок, определяющих медиаобраз мусульманина-иммигранта;

⁴ До терактов, по данным ФБР, каждый год совершалось 20-30 преступлений против мусульман на почве религиозной ненависти, после 11 сентября количество нападений возросло до 100-150 ежегодно. Hate Crime Statistics // FBI: UCR URL: <https://ucr.fbi.gov/ucr-publications#Hate> (дата обращения: 10.03.2017).

- 2) определение роли медиа в производстве и воспроизводстве различных общественных представлений;
- 3) выявление исторических предпосылок формирования стереотипов, связанных с исламом и мусульманами;
- 4) классификация текстов медиа в соответствии с различными репрезентируемыми образами мигрантов-мусульман.

Степень изученности проблемы.

Проблема репрезентации ислама и мусульман получила широкое освещение в работах зарубежных и отечественных авторов, и оказалась актуальной темой дискуссий и исследований в культурологии, социологии, философии, исторической науки и имагологии.

Проблема взаимодействия различных культур, восприятия и репрезентации образа «другого» в контексте дихотомии «Запад-Восток» рассматривается в трудах А.В. Сагадеева, А.С. Панарина, Ю.М. Почты, Е.У. Байдарова и др.

Проблемы формирования искаженного образа ислама исследовали Р.Армур, С.Бенхабиб, Ф.Кардини, Д.Ричардсон, У.М.Уотт, Дж.Шахин, Дж.Эспозито, а также, С.И. Лучицкая.

Стереотипные формы на протяжении нескольких десятилетий находятся в центре политических, философских, культурологических и исторических исследований. Стереотипизация является важнейшей частью исследований взаимоотношений «христианского» Запада и «мусульманского» Востока. Исследования, посвященные проблематике стереотипизации, принадлежат таким ученым как У.Дорман, У.Дюбуа, У.Липпманн, А.Пьерон, Д.Шиплер, Т.Шибутани, а также, отечественным ученым — Ю.В.Бромлею, И.С. Кону.

Проблема изучения этнических стереотипов имеет огромную практическую значимость в регуляции межкультурного диалога. Первые

работы, посвященные этническим стереотипам, принадлежат Д. Кацу, К.Брейли и Э.Богардусу. В области этнических стереотипов проводили исследования, также, Г.Оллпорт, Т.Адорно, Г. Тешфел, А.Эдварде, Т.Шибутани, Л.Н. Гумилев, А.К. Байбурин, С.В. Лурье и другие.

Проблемы взаимодействия европейского и восточного знания получили отражение в трудах А.Дж. Тойнби и К. Ясперса. Также, следует выделить отечественного ученого Н.И. Конрада, который в своей работе «Запад и Восток» определил пути сравнительного исследования восточной и западной цивилизаций.

В исследованиях, посвященных западным массмедиа, приводятся различные механизмы и модели производства и распространения стереотипных образов ислама в политических и идеологических целях. Таковы работы Г.Шиллера, Э.Саида, Э.Гариба, Мухаммада Камаль ад-Дина. Стереотипный образ личности мусульманина в массмедиа рассматривают Дж. Шахин и Гази Зейн Авадаллах.

Одной из наиболее интересных в контексте нашего исследования представляется работа Эдварда Саида «Ориентализм», увидевшая свет в 1978 году и рассматривающая проблему репрезентации мусульман в историческом контексте. Э. Саид стал основоположником идеи о том, что доминирующий ориенталистский или колониальный дискурс способствовал построению на Западе системы взглядов на мусульманскую культуру, в которой ислам представлялся как угроза. Ориенталистский дискурс, по мнению Саида, пронизывает все сферы жизни человека Запада — от научной среды до массовой культуры.

Интересна, также, книга Э.Саида «Освещение ислама: как медиа и эксперты определяют наше видение остальной части мира», вышедшая в 1981 году. В ней автор уделяет внимание исследованиям таких ученых как П.Родман, Б.Льюис, Д.Пайпс, С.П. Хантингтон, Д.Миллер, которые, по мнению автора,

способствуют конструированию и распространению негативного образа ислама. Э.Саид характеризует статью Бернарда Льюиса «Корни мусульманской ярости» следующим образом: «это грубая полемика, лишенная исторической правды, рациональных аргументов и человеческой мудрости. Б.Льюис характеризует мусульман как одно страшное коллективное тело, разъяренное внешним миром».

И, наконец, невозможно не упомянуть исследования в области теории культуры, которые необходимы для проведения комплексного анализа современных культурных процессов. Это работы таких философов как Ж. Бодрийяр, Ж.Ф. Лиотар, Х.Ортега-и-Гассет, А.Тойнби, Э.Тоффлера, М.Фуко, С. Хантингтон, О.Шпенглер, и отечественных исследователей — М.М. Бахтина, Н.Я. Данилевского, М.С. Кагана.

Таким образом, существует целый ряд источников, разносторонне освещающих тему диссертационного исследования. В комплексе эти источники достаточно репрезентативны и отражают специфику формирования стереотипного образа мусульманина-иммигранта и его визуализации в западных медиа. Обилие публикаций на смежные темы позволяет успешно справиться с поставленными задачами, а также, свидетельствует об актуальности проблемы и необходимости ее углубленного исследования.

Практическая ценность данного исследования заключается в возможности использования ее результатов при составлении учебных курсов, посвященных проблемам межкультурной коммуникации и культурной политики. Также, результаты исследования могут быть использованы представителями власти с целью формирования посредством медиа новых парадигм построения отношений с представителями национальных меньшинств. Выводы диссертации могут оказаться полезными для специалистов в области культурологии, социологии, этнопсихологии, особенно

занимающихся проблемами межкультурной коммуникации и международных отношений.

Анализ стереотипных медиаобразов мусульман, репрезентируемых в современных западных массмедиа, имеет **большое научное значение**, так как позволяет пролить свет на предпосылки зарождения, формирование, распространение и воспроизводство искаженного образа ислама, и его влияния на межкультурный диалог.

Методология исследования. В данном диссертационном исследовании были использованы сравнительно-исторические методы: ретроспективный и прогностический, что позволило изучить стереотипные образы ислама в целом и мусульман в частности, в исторической перспективе.

В качестве теоретико-методологических подходов исследования были приняты метод системного анализа, позволяющий отнести к предмету исследования как к комплексному процессу, выявить наиболее важные элементы изучаемых явлений, проследить их взаимозависимость и взаимообусловленность.

Использование историко-системного метода в исследовании позволило рассматривать современный медиаобраз мусульманина-мигранта не только с точки зрения его отдельных аспектов и свойств, но и как целостную систему представлений.

Междисциплинарный подход позволил нам опираться в данном исследовании на работы авторов из смежных дисциплин — историков, имагологов, политологов, религиоведов, этнологов.

Методологическая основа исследования включает два важнейших принципа научной работы: историзм и объективность.

Эмпирическую базу диссертации составили более 60 работ (книги, статьи, монографии отечественных и зарубежных исследователей), а также, несколько

десятков медиатекстов (художественные и документальные фильмы, выпуски новостей, заметки в прессе, литературные произведения).

Новизна исследования. Впервые в российской литературе проводится классификация существующих подходов к визуализации образа мусульманина-мигранта в западных медиа.

Кроме того, новизна диссертационного исследования заключается в следующем:

1. В диссертации дан критический анализ проблематики формирования стереотипных медиаобразов ислама в западных медиа;

2. В работе показано влияние медиаобразов на отношения между европейцами и мусульманами-иммигрантами.

3. Рассмотрена история формирования и развития стереотипов о исламе в западной культуре на примере художественных сочинений и медиатекстов.

4. Показано влияние стереотипных образов ислама на политические теории и журналистскую мысль Запада.

5. Определена роль медиа в производстве и воспроизводстве различных общественных представлений.

Положения, выносимые на защиту.

1. В средствах массовой информации и художественной культуре стран Запада широкое распространение получили стереотипные и односложные образы мусульман, репрезентирующие ислам в искаженном виде.

2. Репрезентируемый в современных медиа образ мусульманина-иммигранта с одной стороны становится выражением общественного мнения, но с другой стороны, способен его формировать, трансформировать или поддерживать.

3. Стереотипные образы ислама, репрезентируемый западными медиа, имеют большее отношение к западной культуре, чем к мусульманской, в них мы

видим отражение, в первую очередь, европейских взглядов и культурных установок.

4. В западных медиатекстах мы можем выделить две стереотипных модели репрезентации мусульман-мигрантов: мусульманин-враг/антагонист и мусульманин-жертва/младший товарищ, нуждающийся в помощи.

ГЛАВА 1

ПРЕДПОСЫЛКИ ФОРМИРОВАНИЯ ОБРАЗА МИГРАНТА-МУСУЛЬМАНИНА В ЗАПАДНЫХ МЕДИА

1. 1. Роль социальных стереотипов в формировании медиаобразов

Визуальные и вербальные образы, репрезентируемые массмедиа, оказывают влияние на общественное мнение, они способны формировать представления о тех или иных событиях, проблемах или целых социальных группах в массовом сознании. Благодаря возрастающим возможностям средств массовой информации и установленной повсеместно власти медиа, информация многократно тиражируется и доходит до зрителя в кратчайшие сроки. Для более подробного рассмотрения механизмов медиаманипуляции, необходимо определить границы упомянутых выше понятий — «общественность», «общественное мнение» — а также, определить термины «масса», «массовое сознание», «массовая коммуникация».

Коммуникативная структура, которую Ю.Хабермас определил как публично организованную общественность, сложилась в конце XVIII века благодаря таким общедоступным институтам или медиумам как биржа, почта и пресса. Сегодня общественность продолжает существовать как целостное образование, в первую очередь, благодаря новым массмедиа — телевидению и Интернету. Под общественностью уместно понимать некое среднее измерение постоянно меняющихся аудиторий средств массовой коммуникации. В более жесткой трактовке общественность может быть определена как рынок, на котором ведется торговля информацией и мнениями.⁵

Функции, которые раньше принадлежали религиозным и моральным законам, — регулятивная, оценочная, мотивационная, ориентирующая — в эпоху новых медиа передаются общественному мнению. В общественном

⁵ Больц Н. Азбука медиа. М.: Европа, 2011. С. 49-53.

мнении проявляется отношение различных групп людей к темам, находящимся в поле их интересов.

Э. Ноэль-Нойман выделяет два источника общественного мнения — 1) наблюдение за окружающим миром, выявление одобряемых и порицаемых форм поведения; 2) средства массовой коммуникации. Эти источники способны задавать «дух времени» — устойчивую к изменениям тематику общественного мнения, влияющую на поведение индивида.⁶

Таким образом, общественное мнение может регулироваться через медиасредства, определяющие не столько определенные убеждения представителей общественности, но скорее повестку дня и набор устойчивых тем, по которым каждый должен иметь свое мнение. В поле зрения общественного мнения попадают темы, вызывающие общественный интерес и допускающие возможность многозначного толкования и дискуссии. Массмедиа сообщают не о том, что происходит, а о том, что другие считают важным.⁷

Важно отметить, что общественное мнение нельзя понимать как мнение большинства, но скорее как господствующее мнение самосознающего меньшинства, принятое большинством из страха оказаться порицаемыми и изолированными. В этом явно проявляет себя феномен «спирали умолчания», описанный с точки зрения теории массовых коммуникаций Э. Ноэль-Нойман. Под спиралью умолчания понимается динамический процесс, при котором человек с меньшей вероятностью выскажет свое мнение, если чувствует, что находится в меньшинстве, так как боится возмездия, изоляции и игнорирования. С этого страха начинается закручивание спирали умолчания. Средства массовой коммуникации, очевидно, играют важную роль в определении доминирующего мнения и влиянии на индивидуальное восприятие общественного мнения.⁸

⁶ Ноэль-Нойман Э. Общественное мнение. Открытие спирали молчания: Пер. с нем./Общ. ред. и предисл. Мансурова Н.С. — М.: Прогресс-Академия, Весь Мир, 1996. С. 1-10.

⁷ Больц Н. Азбука медиа. М.: Европа, 2011. С. 49-53.

⁸ Больц Н. Азбука медиа. М., 2011. 49-53 с.

Процесс производства массовой информации и её дальнейшее распространение на численно большие и рассредоточенные аудитории при помощи медиасредств получил название «массовая коммуникация». Возможность передачи информации одновременно большим группам общественности позволяет регулировать воздействие транслируемых образов или мифов на массу, то есть субъекта массового сознания.⁹ «Масса – это средний человек. Таким образом, чисто количественное определение – «многие» – переходит в качественное. Это совместное качество, ничейное и отчуждаемое, это человек в той мере, в какой он не отличается от остальных и повторяет общий тип».¹⁰

В западной философии массовое сознание иногда отождествлялось с сознанием «толпы» (Я. Буркхард, Г. Лебон, Х. Ортега-и-Гассет); «масса» рассматривалась в качестве негативного порождения современных антигуманных типов обществ (Э. Фромм, Г. Маркузе); сторонники позитивистских взглядов связывали появление масс с научно-техническим прогрессом и развитием информационного общества (Г. Блумер, Э. Шилз).¹¹

Социальная философия использует термин «массовое сознание» для обозначения шаблонного, деперсонализированного сознания рядовых граждан развитого индустриального общества, которое формируется под массивным воздействием средств массовой информации и стереотипов массовой культуры.¹²

Также, массовое сознание может быть определено как особый, специфический вид общественного сознания, свойственный значительным неструктурированным множествам людей — «массам». Массовое сознание определяется как совмещение или пересечение наиболее значимых

⁹ Ольшанский Д.В Психология масс. СПб: Питер, 2001. С. 20.

¹⁰ Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс / Перевод: С.Л.Воробьев, А.М.Гелескул, Б.В.Дубинин и др. М., 2001.

¹¹ Ольшанский Д.В Психология масс. СПб: Питер, 2001. С. 20.

¹² Новейший философский словарь. Главный научный редактор и составитель А. А. Грицанов. – Мн.: Современный литератор, 2007.

компонентов сознания большого числа разнообразных групп общества, однако оно несводимо к ним. В силу недостаточной специфичности источников своего появления и неопределенности самого своего носителя массовое сознание в основном носит обыденный характер.¹³

Совершенствование технических возможностей медиа расширяет масштабы манипуляции массовым сознанием, которое сильно подвержено влиянию извне. Наличие собственного мнения масс было бы возможно лишь при наличии критического мышления, но неприспособленные к мышлению массы принимают мнение самосознающего меньшинства. «В хорошо организованном обществе масса не действует сама по себе... Она существует для того, чтобы ее вели, наставляли и представляли за нее... Ей необходимо следовать чему-то высшему, исходящему от избранных меньшинств.»¹⁴

Массмедиа становятся главной силой в манипуляции массовым сознанием, притупляя сознание масс через передачу большого потока искаженной информации, они формируют невозможность критического восприятия действительности у зрителя.¹⁵

Власть средств массовой коммуникации в навязывании представлений о представителях сексуальных, этнических и религиозных меньшинств, людях с ограниченными возможностями, женщинах, мужчинах, молодежных субкультурах становится практически безграничной. Медиа конструируют односложные и искаженные образы различных культурных феноменов. Эти образы оказываются вписанными в массовое сознание в форме стереотипов.

¹³ Ольшанский Д.В Психология масс. СПб: Питер, 2001. С. 20.

¹⁴ Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс / Перевод: С.Л.Воробьев, А.М.Гелескул, Б.В.Дубинин и др. М., 2001.

¹⁵ Аколян Н.А. СМИ как фактор формирования стереотипов в молодежной среде: автореф. дис. канд. социол. наук. Майкоп, 2010. С. 24.

Необходимо прояснить широкоупотребительное понятие «стереотип» или «социальный стереотип», наиболее полно определенное американским исследователем У.Липманом в 1922 году. По мнению Липмана, «средний человек» не способен компетентно судить о постоянно усложняющихся процессах мира, в связи с недостатком времени и знаний. Дефицит знаний в сознании обывателей компенсируется социальными стереотипами — схематизированными, упрощенными и стандартизированными образами или представлениями об объектах, явлениях и процессах социальной реальности, отличающиеся высокой устойчивостью и ярко выраженной эмоциональной окраской.¹⁶

Т. Шибутани дает следующее определение социальному стереотипу: «это популярное понятие, обозначающее приблизительную группировку людей, с точки зрения какого либо легко различимого признака, поддерживаемое широко распространенными представлениями относительно свойств этих людей».¹⁷

Социальный стереотип является воплощением единства когнитивно-информационного и эмоционально-чувственного компонентов с очевидным преобладанием второго. Эмоционально-чувственный или оценочный компонент обеспечивает главную функцию стереотипа — формирование в обществе того или иного отношения к различным социальным явлениям. Когнитивно-информационная составляющая стереотипа предполагает соотнесение информации не с реальным объектом, а с другими информационными фантомами в сознании масс. Например, информационные составляющие стереотипа о той или иной религиозной группе будут соотноситься с

¹⁶ Липпман У. Общественное мнение. Пер. с англ. Т.В. Барчуновой; редакторы перевода К.А. Левинсон, К.В. Петренко. М.: Институт Фонда “Общественное мнение”, 2004. С. 18-28.

¹⁷ Шихирев П. Н. Современная социальная психология в Западной Европе // П. Н. Шихирев. М. : Наука, 1985.

абстрактным знанием не о конкретном ее представителе, а с представлениями «о них вообще», уже полученными при встрече с другими стереотипами.¹⁸

И если сам стереотип, по мнению Липмана, может быть нейтрален, установки, содержащиеся в нем, всегда эмоционально окрашены и социально детерминированы в связи с тем, что они являются выражением ценностных установок тех или иных социальных групп, а потому они могут функционировать на основе некоего социального заказа.¹⁹

По словам американского исследователя стереотипов Т.Нельсона: «Стереотипы могут возникнуть и поддерживать межгрупповую враждебность. Они иногда связаны с предрассудками основанные на расовой или половой принадлежности, вероисповедании, сексуальной ориентации, национальности, и различиях в социальном статусе. Они могут служить для поддержания и оправдания гегемонистской и эксплуататорской иерархии власти и статуса, деформировать государственную политику и межличностные отношения».²⁰

Стереотипы или информационные фантомы, закрепленные в массовом сознании, способны воздействовать на восприятие массами подверженных стереотипизации объектов не только заочно, но и при их непосредственных контактах. Стереотипы способны объединяться в целые системы, определяющие существование культуры повседневности, верований, социальных институтов и всей «социальной реальности».²¹

С одной стороны, мы можем отметить «экономичность» или некоторую «комфортность» стереотипов для сознания, благодаря им процесс познания сокращается. С другой стороны, принятие стереотипов приводит к

¹⁸ Ионина М.А., Сизых И.С. Социально-психологические стереотипы в средствах массовой информации // Актуальные проблемы авиации и космонавтики. 2010. №6. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/sotsialno-psihologicheskie-steriotipy-v-sredstvah-massovoy-informatsii> (дата обращения: 26.04.2017).

¹⁹ Липпман У. Общественное мнение. Пер. с англ. Т.В. Барчуновой; редакторы перевода К.А. Левинсон, К.В. Петренко. М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2004. 18-28 с.

²⁰ Nelson, T. D. Handbook of Prejudice, Stereotyping and Discrimination.. New York: Taylor & Francis Group, 2009. С. 199.

²¹ Ослон А. Уолтер Липман о стереотипах: выписки из книги «Общественное мнение» / А. Ослон // Социальная реальность. 2006. №4. С. 125–141.

формированию в массовом сознании плоского, размытого и примитивного представления о реальности.

Мы уже выяснили, что медиа во всех своих проявлениях становятся главным источником информационных стереотипов, которые в свою очередь, вызывают однородную и предсказуемую реакцию у реципиентов.²² Однако необходимо отметить, также, что важную роль в формировании стереотипов играет бессознательная коллективная переработка и индивидуально-социокультурная среда.

В информационную эпоху массы пребывают в культурном пространстве, практически полностью сконструированном посредством медиа — воззрения, ценности и ориентации вырастают в массовом сознании на почве медиаобразов, транслируемых на телевидении, в прессе, художественных и документальных фильмах, музыке и литературе.

Массмедиа не расширяют горизонты развития человеческого сознания, не способствуют индивидуализации, но формируют те реакции и воззрения, которые оказываются востребованными в том или ином культурно-историческом контексте.

П. Бурдьё констатирует, что в мире вестся борьба за право создавать и навязывать легитимное виденье мира. То есть тот социальный мир, который видит и считает естественным каждый индивид, в действительности оказывается лишь результатом, приближенным к ожиданиям господствующей прослойки общества. Именно они навязывают общественности то или иное отношение к событиям или культурным феноменам. П.Бурдьё отмечает, что монопольное право на символическое насилие, существующее в форме навязывания представлений, принадлежит государству.²³

²² Агеев В. С. Психологическое исследование социальных стереотипов // Вопросы психологии. 1986. № 1. С. 95-96.

²³ Бурдьё П. Начала / Пер. с фр. Н. А. Шматко. — М.: Socio-Logos, 1994. С. 181-183.

Похожие идеи мы встречаем у Э.Саида, согласно которому, стереотипы являются дискурсивным типом власти и воплощением отношений господства и подчинения. Ориенталистский дискурс, конструирующий множество стереотипов, оказывается тесно связан с властью и легитимизирует право европейцев говорить от имени «бессильных и безмолвных» мусульман.

В рамках данного диссертационного исследования особенно важным нам представляется рассмотрение специфики этнокультурных и религиозных стереотипов, существующих в обыденном сознании. Этнокультурные стереотипы содержат обобщения о чертах национального характера, особенностях менталитета или о специфичных культурно-религиозных практиках представителей различных этнических групп. Этнокультурные стереотипы могут являться элементами этнического просвещения, но в большей степени становятся эффективным инструментом регулирования межэтнических отношений.

Сложившаяся в той или иной культуре система ценностей оказывается главной отправной точкой в формировании стереотипов о других культурах. Зоны культуры, в которых отмечаются наибольшие различия, оказываются эпицентрами зарождения и развития этнокультурных стереотипов.

В современной массовой культуре стран Запада «мифу» об исламе (включающему множество стереотипов) отведено особое место. В первую очередь, необходимо отметить, что в массовом сознании основной характеристикой ислама является традиционализм, оказывающийся чуждым либеральным западным ценностям. Запад в массовом сознании предстает как пространство просвещения, секуляризма, свободы и развития. «Мир исламского Востока», напротив, воспринимается как закрытый, таинственный, архаичный, консервативный, представляющий угрозу.

Изучение образа другого народа неизбежно связано с самоидентификацией, определением образа «своего» и оценкой

противоположного «своему» — «чужого» — на основе собственной системы ценностей.

Обращение к образу исламского мира, попытка понять свою «самость» через их «инаковость» оказываются характерными для европейского мышления. Европейская культура развивалась в условиях постоянных контактов с исламом, и идея противопоставления в настоящий момент оказывается укоренившейся в исторической, политической и географической реальности.²⁴

Определение исторических предпосылок сложившегося вектора стереотипизации ислама представляется нам особенно интересным. В следующем параграфе мы рассмотрим исторический путь взаимодействия Европы и ислама.²⁵ А также, постараемся показать многообразие факторов, оказавших влияние на видение представителями западной цивилизации исламского Востока.

²⁴ Кардини Ф. Европа и ислам: история непонимания / Серия «Становление Европы». / Пер. с итал. Е. Смагиной, А. Карловой, А. Митрофанова. – СПб.: «Александрия», 2007.

²⁵ Где ислам понимается не только как религия, но скорее образ жизни в широком смысле, включая элементы гражданского, уголовного и конституционного права.

1.2. Образ Другого в контексте дихотомии «Запад-Восток».

Коллективный эгоцентризм европейцев еще в античности нашел воплощение в дихотомии «Восток-Запад», в течение многих столетий обраставшей разнообразными предрассудками относительно нравов, политических институтов, культуры, мировоззрения и психического склада восточных народов.

Возникновение культурной дихотомии «Запад-Восток» принято относить ко времени зарождения европейской цивилизации в Древней Греции, где формировался взгляд на окружающий мир и основы развития западной культуры. Термином Восток обозначалась не географическое пространство, но, скорее, историко-культурная система, альтернативная (или вовсе противоположная) западной. Восток и Запад предлагали различные способы существования человека, в них формировались различные типы ментальности, порождающие различные экзистенциальные ориентиры.

По мнению большинства европейских ученых, западное сознание ориентировано на научное познание предметно-оформленного мира, полного разнообразных вещей и явлений, в то время как восточное — находится в поисках всеединства, абсолютной и вечной основы мира, которое бы позволило объединить все сферы, повлиявшие на формирование восточной культуры — искусство, мистику, мифологию, религию и философию.

При таком рассмотрении Восток характеризуется следующими свойствами: интуитивное или мистическое знание, традиционализм, иерархичность, консервативность в государственном устройстве и жизни общества. Запад же выступает центром рационального знания, демократии,

свободы и равенства, двигателем технологического преобразования мира и его научного изучения, покорителем природы.²⁶

Противостояние христианской и мусульманской культур является логическим продолжением этого подсознательного, а иногда и осознанного, противостояния Востока и Запада, которое существовало еще до появления ислама. Идея о том, что современные западные медиаобразы мусульман обусловлены многовековой историей взаимоотношений рассматриваемых культур, оказывается обоснованной при ее рассмотрении в культурно-историческом контексте.

Подобно тому, как в индивидуальном сознании человека его представление о себе складывается через оппозиции «я» и «он», в массовом сознании образ какого-либо народа, этноса или религиозной группы вырабатывается посредством сравнения неких общих «мы» и «они». Это противопоставление, в свою очередь, под влиянием политических и идеологических факторов превращается в противопоставление собирательного «я», которое характеризуется положительными качествами, некоей «чуждой» или «другой» общности, наделяемой соответствующими качествами с отрицательным знаком.

27

Самоидентификация и развитие любой культуры невозможны без определения ряда ее уникальных отличительных признаков. И создание собственной идентичности в каждом обществе неизбежно оказывается связанным с конструированием коллективного «Другого», бесконечно произвольно интерпретируемого в контексте различных исторических событий с точки зрения его инаковости или даже противоположности. С изменением эпох и, в связи с этим, политических, экономических, социальных условий меняется и

²⁶ Тихонова Евгения Петровна "Восток Запад" знаковая веха культурной рефлексии XX-XXI вв. // Вестн. Том. гос. ун-та. 2007. №298. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/vostok-zapad-znakovaya-veha-kulturnoy-refleksii-xx-xxi-vv> (дата обращения: 06.04.2017).

²⁷ Лучицкая С.И. Образ другого: мусульмане в хрониках Крестовых походов. СПб.: РАН, Алетейя, 2001. С.12.

самоинтерпретация, и интерпретация «Другого». Это, в свою очередь, влияет на распределение ролей между различными культурами — одни становятся обладателями власти, а другие оказываются в положении подчинения. Конструирование идентичности при таком рассмотрении оказывается естественным и, более того, совершенно необходимым процессом.²⁸

На Западе времен завоевания Америки ответ на вопрос о том, имеет ли принцип всеобщего уважения прав человека этнический характер, представлялся неоднозначным. Эта неоднозначность была порождена именно этим естественным убеждением, что западный образ жизни и системы ценностей должны быть радикально отличны от того, что имеют другие цивилизации, и ложными обобщениями по поводу самого Запада, по поводу однородности его идентичности, единообразия процессов его развития, общности его ценностных систем.²⁹

Дискурс различия как «умение успешно маркировать себя в противовес другим в положительном смысле и навязывать это представление другим» сложившийся в западной культуре, стал необходимым

инструментом провозглашения и поддержания европейского превосходства.³⁰

Особенно этот взгляд укоренился в западном сознании в XX веке, когда менее развитые в экономическом и техническом плане страны Востока находились под патронажем стран Запада и принимали западные идеи и модели развития. Страны Запада же видели свою миссию в том, чтобы передавать знания восточным колониям и осуществлять грамотное руководство в подвластных регионах.

²⁸ Байдаров Е.У.: Проблемы дихотомии «Запад–Восток», «Восток–Запад» в глобалистике // CREDONEW. Теоретический журнал. Санкт–Петербург. 2007. № 4 (52) С. 131–156.

²⁹ Бенхабиб С. Притязания культуры. Равенство и разнообразие в глобальную эру / Пер. с англ.; под ред. В. И. Иноземцева.. М.: Логос, 2003. С. 29.

³⁰ Тлостанова М.В. Постколониальная теория, деколониальный выбор и освобождение эстетизиса // NB: Культуры и искусства. 2012. № 1. С.1-64. URL: http://e-notabene.ru/ca/article_141.html (дата обращения 14.03.2017)

Ориенталистский востоковедческий дискурс в представлении Востока стереотипным способом как «низшего другого» дал западному миру оправдание, легитимизировав угнетение, эксплуатацию и колонизацию Востока на протяжении нескольких веков.

Но как метко подметил британский арабист У.М. Уотт: «Война света и тьмы – это звучит прекрасно, но теперь, после Фрейда, люди понимают, что тьма, приписываемая врагам, – это лишь проекция собственной тьмы, которую не желают признать. Так, искаженный образ ислама следует рассматривать как проекцию теневых сторон европейца».

В данном параграфе мы рассмотрели характерные черты дихотомии Запад-Восток, которая на протяжении многих веков проявляется в постоянном подсознательном противодействии христианской и исламской культур.

Для более подробного рассмотрения предпосылок формирования искаженного образа ислама необходимо, прежде всего, разобраться в тех мифологических и легендарных представлениях, которые существовали в западном сознании на протяжении всей истории межкультурного взаимодействия.

1.3. Мусульмане глазами европейцев. VII-XX вв.

Чтобы получить адекватное представление о том, как были созданы стереотипные образы ислама в западных медиа, и чтобы в полной мере понять, как Запад сегодня воспринимает ислам в целом и мусульман в частности, необходимо сделать шаг назад и обратиться к прошлому.

Согласно Э.Саиду, обращение к прошлому относится к числу наиболее распространенных стратегий в интерпретации настоящего. Здесь имеет значение вопрос не только о том, что происходило в прошлом, но и о том, прошло ли прошлое или все еще продолжается уже в новых формах в общекультурной сфере, а также в конкретных политических, идеологических, экономических и социальных практиках.³¹

Множество современных историков и культурологов обращается ко временам появления ислама, периоду античности и более поздним эпохам, чтобы более детально исследовать западное негативное отношение к Исламу. В рамках данного диссертационного исследования обращение к историческим корням проблемы искажения в репрезентации мусульман тоже оказывается необходимым.

До VII века, в котором произошло вторжение арабов в южные провинции Византии, они практически не были знакомы европейцам. Византийские тексты были первыми источниками западных христиан о мире ислама, которые, вкуче с варварскими набегами арабов на южное средиземноморье, создавали устрашающее представление о новой «варварской» религии. Жители Западной Европы узнали от византийцев слово «сарацины» в раннем Средневековье. Византийцы изображали мусульманских воинов жестокими, страшными и сильными врагами, но не имели представления об их религии.

³¹ Said, E.W. Culture Imperialism. New York: Vintage Books, 1994. P. 3.

Когда арабы появились в Сирии, Северной Африке, а позже в Испании и Италии, это было воспринято как очередное свидетельство вечной борьбы двух миров, Востока и Запада, продолжение Троянской и Греко-Персидских войн. Пришельцы были восприняты Христианской Европой как один из многочисленных врагов, подобных тем, что угрожали христианству со всех сторон. Европейцы не видели на первых порах особой разницы между ними и "примитивными язычниками" с севера и востока (славянами, викингами и мадьярами).

Впервые об арабах в претендующих на научность текстах упоминали средневековые европейские ученые. В средневековой Аравии наука была значительно более развита, чем в Европе. Более того, единство языка арабских ученых и бедуинов, живших на периферии арабского мира, давало возможность для знакомства с ними.

В 640-х годах богослов и защитник православия Максим Исповедник писал: «Видеть, как варвары из пустыни наводняют чужую землю, будто это их собственность! Видеть, как наша цивилизация рушится под натиском этих диких, необузданных тварей, не по праву обретших человеческий облик!»³²

Беда Достопочтенный в «Церковной истории народа англоv» (731 г.) пишет о постигшем Галлию ужасном наказании в лице сарацин: ««В это время ужасная сарацинская напасть принесла жестокое опустошение в Галлию, но немного спустя они были сполна наказаны за свою нечестивость»».³³

Родившийся в Дамаске христианский богослов и философ Иоанн Дамаскин, оказавший заметное влияние на отношение христиан к исламу, изложил знания об исламе в своем главном труде «Источник знания».³⁴ Иоанн

³² John C. Lamoreaux, Early Eastern Christian Response to Islam, в Medieval Christian Perceptions of Islam: A Book of Essays, ed. John Victor Tolan Garland Medieval Case Books 10, Garland Reference Library of the Humanities 1768. New York and London: Garland, 1996. P. 14.

³³ Беда Достопочтенный. Церковная история народа англоv / Пер.: В. В. Эрлихман. СПб.: Алетейя, 2001.

³⁴ Период написания — 720-750 годы

описал множество ошибочных, на его взгляд, религиозных суждений мусульман и предостерег читателей от зла, воплощенного в исламе.

В главе «О ересях» можно обнаружить следующее высказывания Иоанна Дамаскина о мусульманах: «Есть ещё и донныне господствующий, служа предтечей антихриста, блуждающий народ, тень измаилитов. Он происходит от Измаила, рождённого Авраамом от Агари, поэтому они называются агарянами и измаилитами. Итак, до времени Ираклия³⁵ сарацины явно идолослужат; от его же времени и доселе у них появился лжепророк, называемый Мамедом. Он случайно познакомился с Ветхим и Новым Заветом ... затем составил собственную ересь. Расположив к себе народ видом благочестия, он пустословит, что ему ниспослано с неба писание. Написав в своей книге некоторые измышления, достойные смеха, он передал её им для почитания».³⁶

Интересно также, что вопрос о происхождении зла, являвшийся предметом спора как в раннем христианстве, так и в исламе, византийские критики безапелляционно вменяют в вину исламской религии, говоря о том, что мусульмане называют Бога причиной зла.

Несомненно, большинство таких текстов несли в себе немало ошибок. Византийские клирики, знающие арабский язык лишь поверхностно и иногда не знакомые со священными текстами мусульман, часто опирались на недостоверные источники и стереотипы. Как Иоанн Дамаскин, непосредственно общавшийся с мусульманами и даже состоявший на службе у халифов, так и многие другие византийские авторы нередко допускали ошибки в переводах из-за недостаточных знаний арабского языка, а иногда намеренно искажая реальность.

Несмотря на множество негативных высказываний, наблюдалась и позитивная тенденция — латинские авторы все же обратили внимание на

³⁵ Византийский император (610-641)

³⁶ Армур, Р. Христианство и ислам: непростая история / Роллин Армур; [пер. с англ. Анна Гумерова, Юрий Маслов]. - Москва : Библ.-богосл. ин-т св. апостола Андрея, 2004.

монотеизм ислама, а соответственно и его кардинальное отличие язычества. Можно сказать, что именно тогда интерес европейцев к называемым в древних текстах «исмаилитами», «сарацинами», «агарянами» значительно возрос.

Участившиеся контакты христиан и мусульман во время Крестовых походов немного изменили представление европейцев о Востоке. Если до походов в западных источниках чаще упоминались фантастические представления о сарацинах как великанах-прислужниках дьявола, то в более поздних источниках стали появляться более реалистичные историко-антропологические наблюдения, тем не менее, зачастую все также негативно окрашенные. После непосредственного знакомства христиан с мусульманами во время Крестовых походов в Европе развились совершенно противоположные представления о Востоке: начал распространяться экзотизм и воспоминание о невероятных богатствах арабов, появилось и уважительное отношение к мусульманам, как к смелым воинам. Например, интересно мнение Шартрского клирика, описавшего радость пребывания крестоносцев на Востоке, объекте любви и мечтаний.

Одними из первых комплиментарных описаний в адрес ислама стали воспоминания Рикольдо де Монте Кроче, паломника, посетившего святыне места и Багдад, и Гильома из Триполи, сопровождавшего Марко Поло в его путешествии в Китай. Ими впервые без поверхностной критики, удалось детально изучить Коран, ссылаясь на первоисточник, представить жизнеописание пророка Мухаммада и найти общие черты христианства и ислама.

Однако крестовые походы носили характер захватнических войн, это определяло враждебное отношение крестоносцев к местному населению. Крестовые походы принесли народам завоеванных областей несказанные мучения, грабежи и ужасные опустошения. Крестоносцы свирепо эксплуатировали крестьян, среди которых были как арабские мусульмане, так и

сирийские христиане. Коренное население ненавидело завоевателей, и это, очевидно, оставило еще один болезненный след в истории межкультурного диалога христиан и мусульман.³⁷

Несмотря на появление реалистичных наблюдений, критики в адрес «неверных язычников» не стало меньше. Описание мусульманских обрядов и традиций зачастую переворачивалось не в пользу мусульман. Так, Н. Горелов, пересказывая легенды крестоносцев XI – XIV вв., обращает внимание на то, что омовение мусульман рассматривалось христианами как исповедь, за что неизменно критиковалось, как неразумная вера в возможность физического смывания греха. Естественно, и обычай многоженства, принятый в исламском мире, видится христианами как слабость перед похотью, поддержанная таким же слабым Мухаммадом.

В сравнении с доступными византийскими источниками, тексты западных христиан носят в основном художественно-эпический характер, либо являются информативным описанием увиденных далеких стран. Византийские же работы чаще носили апологетический характер, объясняя своим единоверцам несостоятельность исламской религии, сконцентрировавшейся непосредственно у южных границ империи и постоянно угрожавшей.

Установление исламского господства в Северной Африке, Египте и Сирии; завоевание мусульманами Испании и Сицилии; Крестовые походы в Палестину; захват крестоносцами Иерусалима; Реконкиста в Испании; взятие Константинополя; приход турок-османов на Балканский полуостров – все эти события существовали в массовом сознании как религиозные войны и приводили к закреплению убеждения об историческом противостоянии христиан и мусульман.³⁸ Для европейского Средневековья был характерен взгляд

³⁷ Подробнее см.: Штайн Л. В черных шатрах бедуинов. М., 1981.

³⁸ Гантамиров Т. Т. «Современные проблемы и перспективы развития исламоведения, востоковедения и тюркологии» // Ислам и Европа. 20 Октября 2010 г.

на сарацинов и мавров как на неверных, покушающихся на истинную веру, являющих собой противоположность всех христианских добродетелей.³⁹

Даже во времена уже мирных паломничеств из Западной Европы в святые места, которые были достаточно частым явлением в XV-XVI веках, отношение христианских паломников к местному мусульманскому населению не утратило некоторой предвзятости. Например, Б. фон Брейденбах, который в последней четверти XV века совершил паломничество в Палестину и на Синайский полуостров, характеризует в своей книге «Путешествие в Святую землю» арабов как «язычников», которые требуют «больших денег» от паломников, направляющихся из Иерусалима в монастырь Святой Екатерины. Брейденбах рекомендует другим христианским паломникам терпимо относиться к арабам, в связи с тем что последние «никогда не оставляют нанесенные им оскорбления без отмщения».

Путешественник и историк Ф.Фабер, сопровождавший в святые места немецких дворян, в описании своего путешествия писал: «Найдя земли, где есть пастбища и вода, арабы раскидывают шатры и живут там до тех пор, пока запасы корма для скота и воды не истощатся. Когда это происходит, они поднимаются и ищут другие места». Фабер с группой паломников совершил путешествие из Иерусалима в монастырь Святой Екатерины, находившийся под защитой бедуинов. В своих заметках путешественник отмечал, что монастырь был полон злыми мошенниками и язычниками.⁴⁰

Эти сообщения служат свидетельством недоверия паломников к арабам. Европейцы смотрели на «неверных язычников» с презрением и осуждением, а значит, с самого начала не могло существовать возможности объективной оценки культуры Востока.

³⁹ Кардини Ф. Европа и ислам: история непонимания / Серия «Становление Европы». / Пер. с итал. Е. Смагиной, А. Карловой, А. Митрофанова. – СПб.: Александрия, 2007. С. 4-27.

⁴⁰ Там же.

В XVI-XVIII вв. узкий круг европейских специалистов медленно собирал знания об исламе. В последней декаде XVII века под руководством итальянского востоковеда Л. Мараччи было осуществлено первое научное издание Корана латинском языке.

В XVIII — начале XIX века огромное количество путешественников с Запада отправлялось в поисках неизведанного в различные области Арабского Востока. Среди которых были датчанин К. Нибур, швейцарец И. Л. Буркхардт, француз Пачо немец У. Г. Зеецен и другие. В своих трудах они оставили большое количество ценной информации об арабах, в том числе и о кочевниках.⁴¹

Европейцы, обладавшие в XIX веке новейшим оружием, морскими судами, технологией издательского дела, по всем показателям опережали мусульманский мир, который в это время остановился в развитии. Семимильными шагами развивалось в странах Запада и промышленное производство. Европейские христианские державы находились в состоянии экономического и культурного превосходства, что в конечном итоге привело к расширению в XIX-XX веках их колониальных владений в Азии и Африке и практически во всем исламском мире.⁴²

Эпоха колониальных завоеваний оказала значительное влияние на формирование исламоведения в связи с тем, что огромное количество европейских военных, учителей, миссионеров, коммерсантов, технических кадров и ученых оказалось на Востоке. Поскольку интерес к миру мусульманского Востока был продиктован практическими нуждами европейских держав, накопление знаний о культуре и религии захваченных

⁴¹ Подробнее см.: Штайн Л. В черных шатрах бедуинов. М., 1981.

⁴² Армур, Р. Христианство и ислам: непростая история / Роллин Армур; пер. с англ. Анна Гумерова, Юрий Маслов. М.: Библ.-богосл. ин-т св. апостола Андрея, 2004.

регионов происходило с огромной скоростью.⁴³ Однако, как отмечает Э.Саид в своем труде «Ориентализм», европейское востоковедение, возникшее в эпоху Просвещения, существенно ничем не отличается от средневековых стереотипов, сформированных европейцами о Востоке.

Востоковеды воображали и формировали Восток, представляя его как некое монолитное отсталое образование. И это представление укрепляло и поддерживало мифическую основу колониализма, который становился уже не просто политическим господством и некой данностью исторической реальности, но скорее методом конструирования и воспроизводства Востока, посредством медиатекстов. Представления о коренном различии между Западом и Востоком, основанные на экономическом и техническом отставании Востока отошли на второй план в связи с модернизацией в восточных странах, и на первое место в противопоставлении цивилизаций вышли культурные различия.

В эпоху колониальных завоеваний, европейцы ощутили некоторую ответственность за подвластные им регионы, в которых они строили школы и больницы, а также, предпринимали попытки в распространении христианского вероучения.⁴⁴

Однако культурную травму, нанесенную колониальными империями подвластным регионам, невозможно отрицать. Для мира ислама европейское христианское управление оказалось особенно болезненным — это был не только кризис в экономической и политической сфере, но и потрясение религиозного и психологического характера.

⁴³ Гантамиров Т. Т. «Современные проблемы и перспективы развития исламоведения, востоковедения и тюркологии» // Ислам и Европа. 20 Октябрь 2010 г.

⁴⁴ Ovey N. Mohammed, S.J., Muslim-Christian Relations: Past, Present, Future. New York: Orbis Books, 1999. P. 40.

1.4. Ислам в современной Европе и первые медиаконфликты.

В последней четверти XX века начался новый виток межкультурного диалога, который был вызван стремительным ростом мусульманской общины в Европе с 1% в 1950 году до 3% в 2000 году (что составляло по разным оценкам от 14 до 20 миллионов человек).⁴⁵ Однако подсчет точного числа мусульман оказывается затруднительным, поэтому имеет смысл рассмотреть статистические данные, приведенные в различных источниках.

Американский исследовательский центр Pew Research Center в 2010 году опубликовал следующие показатели численности мусульманских общин в странах Западной Европы:

4,8 миллиона человек (5,8% населения) в Германии;

4,7 миллиона человек (7,5% населения) во Франции;

3 миллиона человек (4,8% населения) в Великобритании.

Доля мусульман в общей численности населения Европы, согласно Pew Research Center, выросла до 6% в 2010 году. Ожидается, что эта тенденция сохранится до 2030 года, когда мусульмане, по прогнозам, составят 8% население Европы.⁴⁶

Согласно данным Центрального института Исламского Архива Германии, в 2007 году на территории всей Европы проживало 53,7 миллиона мусульман, из которых 15,9 миллиона – были резидентами стран Европейского Союза.⁴⁷

Ислам стал второй религией по числу приверженцев и первой религией по темпам роста в Европе, что привело к заметным изменениям европейского культурного пространства. Количество мечетей, молельных комнат, магазинов

⁴⁵ Малашенко А.В. Демография мусульманства. История и исторический процесс // материалы научной конференции / // Медина. Издательский дом. URL: <http://www.idmedina.ru/books/materials/?1021> (дата обращения: 17.03.2017).

⁴⁶ 5 facts about the Muslim population in Europe by Conrad Hackett 19.07.2016 // Pew Research URL: JULY 19, 2016 <http://www.pewresearch.org/fact-tank/2016/07/19/5-facts-about-the-muslim-population-in-europe/#> (дата обращения: 01.03.2017).

⁴⁷ Магомедов К.М. Ислам как политический фактор современной России. Опыт Европы // Политика, государство и право. 2012. № 5. URL: <http://politika.snauka.ru/2012/05/358> (дата обращения: 26.01.2017).

халяльной продукции, исламских религиозных организаций в Европе постоянно увеличивается.

Первая мечеть во Франции была построена в середине XIX века, к 2012 году, согласно данным Министерства внутренних дел Франции, в стране насчитывалось 2449 мусульманских храмов.

В Германии количество мечетей с середины 40-х годов прошлого века лет увеличилось с нескольких десятков до двух тысяч. Каждый немецкий город имеет хотя бы небольшую мусульманскую общину, а в некоторых регионах появляются целые мусульманские районы.

Первыми исламскими храмами в Великобритании стали мечети, построенные в Уокинге и в Ливерпуле в 1889 году. В Лондоне первая мечеть была построена в 1924 году. К 2007 году в стране насчитывалось более 1500 мечетей.⁴⁸ Велико влияние мусульман и в бизнесе. Согласно исследованию, проведенному Британским исламским банком, на территории Великобритании работает 7% организаций, — имеющих в составе директоров не менее трети мусульман.⁴⁹

Изменение культурного ландшафта активно происходит и в других странах Европы. В Норвегии насчитывается 92 мусульманские общины. В Нидерландах проживает более миллиона мусульман, что составляет около 6% от общей численности населения. В Бельгии с 1975 года действует Брюссельский исламский центр. В 1995 году в Риме состоялось торжественное открытие самой большой мечети Италии.

Социолог Юг Лагранж в своем исследовании отметил высокий уровень приверженности религиозным обычаям и практикам среди мусульманской молодежи, проживающей на территории Европы. Например, предписания в

⁴⁸ UK Masjid Statistics Muslims In Britain / 18.08.2010 / Mehmood Naqshbandi. // Muslims in Britain URL: http://www.muslimsinbritain.org/resources/masjid_report.pdf (дата обращения: 22.01.2017).

⁴⁹ Religion in England and Wales 2011 // Office for National Statistics URL: <http://www.reeep.us/17c929ae> (дата обращения: 12.01.2017).

месяц рамадан соблюдают 90% мусульман в возрасте от 18 до 25 лет. Ощущение социальной изоляции в среде молодых мигрантов приводит к эскалации религиозных чувств и популярности религиозных практик, что неизбежно затрудняет интеграционные процессы.⁵⁰

Сосуществование западной и исламской цивилизаций в ограниченном пространстве Европы приводит в огромному количеству конфликтов на национальной и религиозной почве. В мусульманской среде возникает ощущение, что Запад не может понять ислам правильно, европейцы же чувствуют угрозу, исходящую от мигрантов.

Большой резонанс в 1989 году вызвал отказ двух 14-летних девочек-учениц парижской школы посещать школу не в хиджабе, а в светской одежде. В обществе мусульман их поступок был поддержан и у них появились тысячи последовательниц. Широкая кампания против хиджаба, «символа подавления женщины» началась в 2003 году, когда была создана комиссия по вопросам взаимоотношений религии и государства.

Жак Ширак в 2003 году в телеобращении заявил: «Секуляризация — одно из главных достижений Французской Республики. Она является ключевым элементом социального взаимодействия и единства нации. Республика выступает против всего, что разделяет, отсекает и исключает. Закон объединяет разнородное, потому что уравнивает в правах всех людей, отказываясь от дискриминации по полу, происхождению, цвету кожи или религии. Надо быть бдительным, чтобы вовремя предотвратить опасный откат назад»

Несмотря на массовые антиправительственные демонстрации мусульман во Франции, протестующих против закона о светском характере общества и о запрете на ношение школьниками в государственных школах предметов одежды, указывающих на их религиозную принадлежность, закон о светском

⁵⁰ Quel est le poids de l'islam en France? Par Samuel Laurent et Alexandre Pouchard // Le Monde URL: http://www.lemonde.fr/les-decodeurs/article/2015/01/21/que-pese-l-islam-en-france_4559859_4355770.html (дата обращения: 12.01.2017).

характере общества все же был принят в феврале 2004. Закон ограничил право на ношение религиозной символики не только среди мусульман, но и среди христиан – ношение больших крестов, запрещены также были чалмы, сикхские тюрбаны и еврейские кипы. Протесты мусульман были достаточно серьезными, но опросы общественного мнения показали, что большинство французов одобрило принятие данного закона.

Все конфликты, связанные с межкультурным диалогом в странах Запада, широко освещаются в СМИ, но следует также отметить, что в период с 9 сентября 2001 года и до настоящего времени огромное количество конфликтов становится прямым следствием публикации медиатекстов, критикующих ислам. Можно говорить о существовании большого количества «медиаконфликтов», вызванных визуализацией негативного образа мигранта-мусульманина в западных массмедиа.

В Голландии особый общественный резонанс вызвали события 2004 года, когда в Амстердаме убийцей-ислаμισмом были нанесены смертельные огнестрельные и ножевые ранения кинорежиссеру Тео Ван Гогу, снявшему антиисламский фильм «Покорность»⁵¹, а также планировавшему снять фильм «06-05 de film», посвященный депутату Пиму Фортайну, убитому исламским экстремистом. Пим Фортайн был известен благодаря неоднократному выдвижению идеи о необходимости запрета миграции из мусульманских стран.⁵²

Именно эти события, послужили толчком для значительного роста нетерпимости по отношению к мусульманам в стране. Ответной реакцией на убийство Тео Ван Гога стал взрыв бомбы рядом с мусульманской школой и ряд нападений на мечети.

⁵¹ Речь идет о короткометражном фильме "Submission", рассказывающем о насилии над женщинами в мусульманских семьях

⁵² Известного голландского режиссера Тео Ван Гога убили из-за снятого им фильма (2 ноября 2004 г.) [Электр.ресурс]// NEWSru.com. URL: <http://www.newsru.com/cinema/02nov2004/teo.html> (дата обращения 25.02.2014)

Не менее широкое общественное обсуждение вызвали события, последовавшие за публикацией 30 сентября 2005 года 12 карикатур на пророка Мухаммада датской газетой Jyllands-Posten. Ответом на карикатуры стали массовые протесты мусульман в Дании и других странах, разгромы датских посольств в Дамаске и Бейруте, а также, бойкот датским товарам, объявленный 17 мусульманскими государствами. Другие датские издания перепечатали карикатуры в знак солидарности с Jyllands-Posten, в то время как лидеры Талибана пообещали вознаградить 100 килограммами золота мусульман, которые принесут им головы авторов карикатур.

Короткометражный фильм «Фитна»⁵³, выпущенный в 2008 году нидерландским политиком Гертом Вилдерсом, был удален на следующий день после публикации со всех Интернет-порталов из-за угрозы расправы над их работниками. Еще одним провокационным видео стал снятый в 2012 году в США фильм «Невинность мусульман», рассказывающий о жизни Мухаммада в оскорбительной форме. С призывами к убийству автором фильма выступили религиозный исламские деятели Ахмед Ашуш и Абу Ассад, а также, Гулам Ахмед Билур — Министр железнодорожного сообщения Пакистана.

Одним из самых громких медиаконфликтов стали события 2015 года, когда исламскими террористами было осуществлено вооруженное нападение на редакцию французского сатирического журнала Шарли Эбдо. В ходе теракта погибли 12 человек — работники издания и полицейские. Журнал публиковал карикатуры на политиков, святых христианства и ислама, изображал Мухаммеда в непристойном свете. Теракт 2015 года произошел через несколько часов после публикации в Интернет-аккаунте журнала карикатуры на лидера группировки ИГИЛ Абу Бакра аль-Багдади.

⁵³ Фильм пытается продемонстрировать, что Коран заставляет своих последователей ненавидеть всех, кто нарушает исламские учения. В фильме показаны выборочные отрывки Корана, сопровождаемые мультимедийными записями и вырезками из газет, показывающими или описывающими акты насилия и ненависти со стороны мусульман. Длительность фильма — 17 минут.

В связи с тем, что западный подход репрезентации ислама до сих пор характеризуется, с одной стороны, туманностью и неопределенностью, а с другой — отсутствием объективности, вполне естественно, что отношение Запада к исламскому миру сопряжено с настороженностью, страхом и недоброжелательностью.

Полное тревоги восприятие мусульман на Западе, оказывается обусловленным огромным количеством исторических наслоений, которые многократно закреплялись и транслировались сначала в научных и исторических текстах, а затем и в массовой культуре. Востоковеды, порой неумышленно, искажали факты или же интерпретировали их весьма произвольно, результатом чего в настоящее время является существование закрепившегося в массовом сознании образа ислама.

ГЛАВА 2

ПОДХОДЫ К ВИЗУАЛИЗАЦИИ ОБРАЗА МИГРАНТА-МУСУЛЬМАНИНА В ЗАПАДНЫХ МЕДИА

В этой главе мы рассмотрим различные подходы к визуализации образов мусульман-мигрантов в западных медиа, включая средства массовой информации и художественные фильмы.

2.1. Исламофобия как доминирующий дискурс в западных медиа

Несмотря на существующие в иммиграционном дискурсе различия между странами Запада, мы можем наблюдать общие закономерности в репрезентации мусульман-мигрантов в массмедиа стран Северной Америки и Западной Европы.

В первую очередь следует отметить, что этнокультурные меньшинства значительно меньше представлены в средствах массовой информации по сравнению с группами, находящимися в большинстве. Одним из подтверждений этого утверждения стало исследование, проведенное в Нидерландах, которое показало, что этнические меньшинства менее представлены в качестве социальной группы в фотографиях в прессе.⁵⁴ Контент-анализ бельгийских телевизионных новостей указывает на почти полное отсутствие в массмедиа этнических групп как части общества.⁵⁵

Также, дополнительные исследования выявили наличие гендерного разрыва: среди немногих членов этнических групп, которые получают внимание средств массовой информации, мужчины явно представлены в большем

⁵⁴ Top, B., Onderzoeksverslag Zwart-wit: onderbelicht? : onderzoek naar multiculturele fotografie in Nederlandse kranten en jongerenbladen. Amsterdam: Werkgroep Migranten en Media Nederlandse Vereniging van Journalisten. 2000.

⁵⁵ Saeys, F., & Coppens, T.. Belgium. In J. ter Wal (Ed.), Racism and cultural diversity in the mass media. An overview of research and examples of good practice in the EU member states, Vienna, 1995-2000. PP. 90-105.

количестве сюжетов.⁵⁶ Таким образом, женщины-члены этнических групп, очевидно, страдают от двойной дискриминации.

Несмотря на увеличение количества медиатекстов, визуализирующих образ мигранта-мусульманина, репрезентация по-прежнему преимущественно связана с сюжетами о преступности и насилии. Мусульмане-мигранты и представители других этнокультурных меньшинств репрезентируются в западных медиа чаще всего как подозреваемые или исполнители преступлений.⁵⁷ Сходную ситуацию можно отметить в австрийских таблоидах, итальянских и швейцарских газетах и испанских телевизионных новостях.⁵⁸ Контент-анализ СМИ Германии показал, что при изображении коммуникации между мусульманами и немусульманами, телевизионные новости больше ориентированы на межгрупповой конфликт, чем на межгрупповой диалог.⁵⁹

Репрезентируемые в СМИ и художественных фильмах мигранты-мусульмане, как правило, участвуют в сюжетах в пассивной роли — остаются безмолвными и безвольными персонажами, которые маргинализированы и не могут говорить от своего лица.

Подобная ситуация особенно была связана с репрезентацией беженцев, которые, например, на немецком и бельгийском телевидении представлялись как пассивные объекты, страдающие от преследований и бедствий.⁶⁰

В целом этнические меньшинства чаще изображаются в неблагоприятном свете, например, в качестве лиц с ограниченными возможностями, носителей

⁵⁶ Krüger, U. M., & Simon, E., Das Bild der Migranten im WDR Fernsehen. *Media Perspektiven*(3), 105-114. 2005.

⁵⁷ Müller, D. Die Darstellung ethnischer Minderheiten in deutschen Massenmedien. In R. Geißler & H. Pöttker (Eds.), *Massenmedien und die Integration ethnischer Minderheiten in Deutschland* (pp. 83-126). Bielefeld: transcript. 2005.

⁵⁸ Europe: Representations of ethnic minorities and their effects // ResearchGate URL: https://www.researchgate.net/publication/312164172_Europe_Representations_of_ethnic_minorities_and_their_effects#pdf (дата обращения: 10.03.2017).

⁵⁹ Schurz, K., Dietrich, N., Jirschitzka, J., Schott, C., Wolf, K., & Frindte, W. Auswertung der Medienanalyse (A. o. t. m. coverage, Trans.). In W. Frindte, K. Boehnke, H. Kreikenbom & W. Wagner (Eds.), *Lebenswelten junger Muslime in Deutschland* (pp. 518-573). Berlin: Bundesministerium des Innern. 2012.

⁶⁰ Van Gorp, B. Where is the frame? Victims and intruders in the Belgian press coverage of the asylum issue. *European Journal of Communication*, 20(4), 484-507. 2005.

болезней, таких как туберкулез или СПИД, торговцев наркотиками, террористов или лиц, которые нарушают культурные ценности и являются бременем для государства всеобщего благосостояния.⁶¹

Результаты исследований из совершенно разных стран Запада в целом поддерживают общее представление о том, что исламское меньшинство представляется угрозой экономике, безопасности и культурным ценностям, господствующим в европейских странах. Среди общих моделей репрезентации следует отметить использование метафоричного языка в отношении мигрантов. В частности, иммигранты или беженцы часто изображаются на языке смертоносных стихийных бедствий, таких как наводнение или лавина. Иммигранты описываются как «массы», которые «вливаются» в европейские страны или «наводняют» их.⁶² Используя такой метафорический язык, создатели западных медиа, стигматизируют этнокультурное исламское меньшинство как социальную группу, которая представляет в себе множество угроз для жителей стран Запада.

После событий 11 сентября, а также, взрывов в Лондоне и Мадриде, мусульмане получили больше внимания, как этнокультурная группа, чем другие социальные группы.

Стереотипы о сексизме, антисемитизме, антидемократических и варварских взглядах, склонности к насилию с новой силой начал преследовать мусульман-мигрантов во всех проявлениях современного ориентализма. Образ ислама и мусульман вызывает тревогу в западном обществе, и многочисленные опасения, связанные с угрозой общественной безопасности. Мусульманин видится как источник физической опасности — в случае терроризма; как угроза культурному, языковому и национальному единству — в случае рассмотрения

⁶¹ Law, I., Svennevig, M., & Morrison, D. Privilege and silence. 'Race' in the British news during the General Election campaign, 1997. Research Report for the Commission for Racial Equality. Leeds. 1997.

⁶² Charteris-Black, J. Britain as a container: Immigration metaphors in the 2005 election campaign. *Discourse & Society*, 17, 563-581. 2006.

трудностей ассимиляции мигрантов и их специфических религиозных практик; и как источник опасности для установившегося общественного порядка. Современный ориентализм (подобно традиционному востоковедению) увековечивает стереотипы и искажения в отношении мигрантов-мусульман в общественном сознании, закрепляя представления о них как о террористах, фундаменталистах, экстремистах, не совместимых с западной реальностью. Усиление недоверия между Востоком и Западом способствовало возникновению исламофобии.

Понятие «исламофобия» впервые появилось в востоковедческом эссе Этьена Дине еще в 1922 году, но с начала 90-х гг стало широко использоваться, для обозначения светского антиисламского дискурса. Исламофобия, так же как расизм и ксенофобия, проявляется в нетерпимости, но в основе этой нетерпимости лежит иррациональный страх перед исламом.

В средствах массовой информации и кинематографе часто встречаются выражения «насильственный ислам», «исламская угроза», «исламские бомбы», «исламский терроризм», что приводит к негативному восприятию ислама.⁶³

В статье, опубликованной в газете The Independent, Питер Оборн пишет об исследовании, проведенном Школой Журналистики Кардиффа: «Группа английских журналистов проанализировала 972 текста британской прессы и обнаружила, что две трети всех сюжетов о мусульманах обязательно были посвящены терроризму, религиозным отличиям и шариату. Авторы текстов делали упор на мусульманский экстремизм и преподносили всех мусульман как источник проблем. И всего лишь 5% сюжетов описывали проблемы, с которыми ежедневно сталкиваются британские мусульмане». Кроме того, журналист

⁶³ Hasan M. Know your enemy. Politics 9.07.2009 // New Statesmen URL: <http://www.newstatesman.com/2009/07/mehdi-hasan-muslim-terrorism-white-british> (дата обращения: 12.01.2017).

обращает внимание на то, что преступления, совершенные мусульманами, освещаются неоправданным и непропорциональным образом.^{64 65}

Джон Э. Ричардсон в книге «Искаженная репрезентация ислама: расизм и риторика британских газет» критикует британские СМИ за то, что они распространяют негативные стереотипы о мусульманах как о единой группе, представляющей угрозу британскому обществу, и пропагандируют антиисламские предрассудки.⁶⁶

Ярким примером репрезентации дискурса исламофобии в западных медиа стало освещение в средствах массовой информации взрыва, совершенного 19 апреля 1995 года в федеральном здании в городе Оклахома и унесшего 169 жизней. Несмотря на то, что ни один араб или мусульманин не был замешан в данном террористическом акте, подозрения сразу же пали именно на мусульман. Уже через несколько часов после того, как здание было разрушено, не только журналисты, но и сотрудники правоохранительных органов, правительственные чиновники и эксперты по терроризму сообщили, что «с места происшествия бежали арабские мужчины». Отсутствие каких-либо документальных подтверждений и реальных свидетелей не заставило журналистов усомниться в том, что главные подозреваемые были «людьми из стран Среднего Востока». Уже спустя несколько минут после взрыва новостные репортеры CNN, движимые предубеждениями против мусульман, сообщили имена некоторых подозреваемых террористов-арабов. Но когда был задержан американский гражданин неарабского происхождения, слово «террорист» было отозвано.⁶⁷

⁶⁴ Montes de Oca E. Islamofobia // Rebellion URL: <http://www.newstatesman.com/2009/07/mehdi-hasan-muslim-terrorism-white-british> (дата обращения: 12.01.2017).

⁶⁵ The shameful Islamophobia at the heart of Britain's press // The Independent URL: <http://www.independent.co.uk/news/media/the-shameful-islamophobia-at-the-heart-of-britains-press-861096.html> (дата обращения: 12.01.2017).

⁶⁶ Richardson J. (Mis)representing Islam: The racism and rhetoric of British broadsheet newspapers. John Benjamins Publishing Company, 2004.

⁶⁷ Shaheen J.G Reel Bad Arabs: How Hollywood Vilifies a People. New York: NorthHampton, 2001. P. 4.

Количество медиатекстов, транслирующих искаженный образ мусульман не поддается подсчету, но некоторые из них оказались действительно резонансными, и широко обсуждались в обществе. Например, статья «Вылезайте из автобуса, мне нужно помолиться», опубликованная 28 марта 2008 года в The Sun, рассказывает историю о водителе-мусульманине, который приказал пассажирам покинуть автобус, чтобы он мог молиться. В действительности, автобус был остановлен по техническим причинам, и часть людей покинула автобус в связи с необходимостью ожидания. Свидетель, не находившийся в автобусе непосредственно во время инцидента, увидел и записал на видео небольшую толпу людей возле автобуса, в котором молился водитель. Журналисты воспользовались случаем и распространили ложную историю, вызвавшую очередной всплеск нетерпимости к мусульманам.⁶⁸

В 2011 году была опубликована статья «Корни исламофобии в американских СМИ», выпущенная под руководством Центра Американского прогресса. В статье были разоблачены организации, ученые и активисты, которые принимали участие в пропаганде антиисламских настроений. Исследование показало, что в период с 2001 по 2009 год рядом американских благотворительных фондов было потрачено порядка 42,6 млн. долларов на поддержание распространения антиисламской риторики.⁶⁹

Э.Саид рассматривает книгу «Джихад в Америке», написанную репортером С.Эмерсоном, как один из ярких примеров трансляции исламофобии. И хотя в книге имеются заявления о том, что мусульмане миролюбивы, главной целью фильма является агитация против Ислама как религии, объединяющей бесчувственных убийц, заговорщиков и похотливых

⁶⁸ The shameful Islamophobia at the heart of Britain's press // The Independent URL: <http://www.independent.co.uk/news/media/the-shameful-islamophobia-at-the-heart-of-britains-press-861096.html> (дата обращения: 12.01.2017).

⁶⁹ The Islamophobia Network's Efforts to Manufacture Hate in America By Matthew Duss, Yasmine Taeb, Ken Gude, and Ken Sofer. 2015 // Center for American Progress URL: <https://www.americanprogress.org/wp-content/uploads/2015/02/FearInc-report2.11.pdf> (дата обращения: 19.12.2016).

жестоких мужчин. Понятия «джихад», «терроризм» или «священная война против Запада» употребляются автором как синонимы, а это, в свою очередь, усиливает чувство культурного страха и ненависти к исламу и мусульманам.⁷⁰

Л. Джон Мартин отмечает, что СМИ используют слово «терроризм» с большой оговоркой, когда речь идет о лицах, которые не являются арабами или мусульманами, и предпочитают заменять его более мягкими терминами «атака», «вторжение», «наступление».

Демонизация мусульманского мира оказывается выгодной для сохранения контроля над мусульманами и эксплуатации их ресурсов, и она неизбежно приводит к агрессии не только между различными этническими группами, но и в мировой политике. Примерам таких событий могут послужить оккупация палестинской земли, российская агрессия против мусульман в Чечне, война США против Ирака, бомбардировка мусульман в Афганистане, Пакистане, Йемене, Сирии.

Идейная решимость Соединенных Штатов модернизировать мусульманский мир, погрязший в религиозной примитивности и отсталости, привела к развитию противодействующих секуляризму радикальных исламских движений. Западный же мир ответил на новую угрозу вмешательством в предотвращение опасной деятельности религиозных групп для достижения власти во многих мусульманских странах.⁷¹ Жестокая и несправедливая политика США в мусульманских странах не освещается западными медиа, в то время как мусульман изображают как экстремистов, фундаменталистов, террористов, не вписывая эти образы в актуальный политический контекст, что не способствует конструктивному развитию отношений между Западом и исламом.

⁷⁰ Said, E. W. *Covering Islam: How The Media and The Experts Determine How We See The Rest of The World*. New York: Pantheon Books., 1997. P. 76-77.

⁷¹ Chomsky, N. *Middle East Illusions: Including Peace in the Middle East? Reflection on justice and nationhood*. Maryland: Oxford, 2003. P. 210-212.

Британский исследователь Сайед М. Реза отмечает особую роль киноиндустрии в формировании искаженного образа ислама: с 1896 года мусульмане и арабы сыграли роли антагонистов более чем в 900 фильмах. Причем в фильмах и на телевидении араб-мусульманин ассоциируется с насилием, агрессией, кровожадностью, хитроумностью, коварностью, садистскими наклонностями, подлостью и другими отрицательными качествами.

Джек Шахин, автор книги «Кинопленка плохих арабов: как Голливуд очерняет людей», рассматривает более 100 американских фильмов, и обнаруживает последовательно репрезентируемую модель ненавистного араба. Согласно Д. Шахину арабы-мусульмане стали наиболее очерненной этнорелигиозной группой в истории кинематографа, даже в сравнении с образами афроамериканцев, индейцев, азиатов, латиноамериканцев и евреев.⁷²

Полнометражный американский фильм «Королевство», снятый режиссером Питером Бергом в 2007 году, вызвал широкое обсуждение в западном обществе в связи с транслируемыми в нем стереотипами. В основе сюжета фильма лежит история о настоящем теракте, произошедшем в Саудовской Аравии, где в результате взрыва смертника погибли многие невинные люди, в том числе американские граждане. Группа из четырех агентов ФБР отправлена в Саудовскую Аравию для расследования теракта и наталкиваются на враждебность местного населения, где прославленные террористы сравниваются с Робин Гудом. Голливуд изображает «чистый ислам» как регрессивный, фундаментально «антизападный» и находящимся в оппозиции к модернизации. Фильм предлагает зрителям спокойную и спокойную обстановку в американской жизни, где бы они ни жили — на базе Эр-Рияде или в Вашингтоне. И резко разрушает экранное спокойствие, показывая мусульман, — в кадре появляется террорист-самоубийца,

⁷² Shaheen J.G Reel Bad Arabs: How Hollywood Vilifies a People. New York: NorthHampton, 2001. P. 4.

подзывающий к себе людей, а затем взрывающий гранату с криком «Аллах Акбар». В этой чрезвычайно жестокой сцене фильм создает основу для конструирования образа мусульманина как врага Запада. В разгар сцены насилия мы видим одного из исламских преступников, заставляющего своего ребенка смотреть на происходящее. На контрасте с этим, нам показывают главного героя, агента Флери, тихо разговаривающего со своим сыном и оберегающего его от ужасных новостей. Таким образом, в фильме проводится четкое различие между характером арабского мусульманина и американца. Этот пример демонстрирует устойчивые паттерны репрезентации ислама в целом, которые в настоящее время используются для репрезентации мусульман-иммигрантов.

В этом контексте интересным будет рассмотрение комедийного фильма «Четыре льва», снятого британским режиссером Крисом Моррисом.

Фильм рассказывает нам историю о группе радикализированных молодых британских мусульман, которые стремятся стать террористами-смертниками. Главные герои представляются нам неуклюжими мужчинами, которые не до конца понимают идеи и цели своей борьбы. При этом они являются европейскими мусульманами, выросшими на медиапродуктах западной массовой культуры — один из героев объясняет сыну трудности работы террориста-смертника на примере мультфильма «Король Лев», для коммуникации террористы используют детскую социальную сеть, для записи видеоугроз — игрушечное оружие, а для осуществления терактов планируют использовать ворон-камикадзе. Авторы фильма прибегают к инфантилизации мусульман в духе ориенталистского дискурса — мусульмане-иммигранты неспособны высказывать свое мнение и говорить от своего лица, их образы упрощены и сводятся к распространенным в сатире образам чудаков-неудачников, что неизбежно приводит аудиторию фильма к уже знакомым стереотипам об агрессивности мусульман и их низком уровне развития.

Особое внимание следует уделить исламофобии в политическом дискурсе. Помимо средств массовой информации, политические власти являются важными источниками информации, которая может доминировать в дискурсе об иммиграции или иммигрантах как социальных группах. В связи с тем, что они говорят об этнических меньшинствах на публике, они могут оказать значительное влияние на общий имидж этих групп, особенно потому, что публичные заявления политиков широко распространяются в обществе через каналы СМИ. Иммиграционный дискурс в политике и в средствах массовой информации тесно взаимосвязаны. В частности, такие термины как «ограничение» или «ислам как угроза», часто первоначально появляются на политической арене, а уже после этого широко распространяются в медиа. Использование уважаемыми политическими единицами или группами исламофобской риторики находит одобрение у широкой аудитории и повышает приемлемость исламофобии в обществе. В конечном счете, политический дискурс таким образом легитимизирует этнические предрассудки.

Репрезентация представителей этнокультурных меньшинств в СМИ, как правило, ограничена, однако, если речь идет об отрицательных ролях, количество медиатекстов, визуализирующих мигрантов или беженцев, оказывается уже гораздо более распространенными. Негативные образы ислама в западных медиа — прессе, литературе, кинематографе, Интернете и на телевидении — по-прежнему превалируют над всеми остальными. Кроме того, мигранты-мусульмане выступают в роли пассивных и не способных высказываться агентов. Подобная маргинализация иммигрантов, очевидно, оказывается обусловленной не только историческим контекстом, но и современным политическим дискурсом.

2.2. Мультикультурный дискурс

В последние десятилетия европейский и американский кинематограф представил нам целую плеяду фильмов, раскрывающих проблемы представителей различных иммигрантских сообществ и освещающих тему межкультурного диалога.

В 2001 году вышла книга американского культуролога иранского происхождения Хамида Нафиси «Кино с акцентом: кинопроизводство в диаспоре и изгнании», где автором впервые был определен термин «accented cinema». По мнению автора, в условиях глобализации выходцы из стран Третьего мира стали не только потребителями западного кинематографа, но и его создателями, находящими отклик у аудитории европейских кинофестивалей, кинотеатров и на телевидения.⁷³

Кино «с акцентом» или мультикультурное кино автор понимает как эстетическую реакцию на опыт изгнания, миграции и жизни в диаспоре. Оно создается в развитых странах Запада кинематографистами, имеющими неевропейское происхождение. В основе таких фильмов лежит «двойное сознание» их создателей, являющихся одновременно европейцами и бывшими мигрантами из исламских стран. Эти фильмы многоязычны и сочетают эстетические и стилистические традиции разных культур. Надо понимать, что слово «акцент» характеризует здесь не только особенности языка повествования, но всю структуру фильма: визуальный стиль, символы, предметы, декорации, тему и сюжет.⁷⁴

Личный опыт режиссеров оказывается принципиально важным при создании мультикультурных кинокартин. Режиссер всегда является субъектом, пережившим опыт эмиграции, он находится или находился в межкультурном пространстве и сталкивается или сталкивался с трудностями в поисках

⁷³ Naficy H. *An Accented Cinema: Exilic and Diasporic Filmmaking*. Princeton: Princeton UP, 2001. P 5-27.

⁷⁴ Там же

собственной идентичности. Сюжет фильмов «с акцентом», как правило, помещен в хорошо знакомый режиссеру контекст. Фильмы снимаются в тех регионах, где жили или до сих пор живут создатели фильмов. Предпочтение отдается не профессиональным актерам, а выходцам из изображаемой культурной среды. Создателям фильмов свойственно диаспорное мышление – режиссеры обеспечивают работой своих родственников и друзей.

Мультикультурное кино становится все более значимым кинематографическим явлением с точки зрения его распространения на многотысячную аудиторию, разнообразия его форм и многообразия культур, а также, его социального влияния, которое простирается далеко за пределы диаспорных сообществ.

Фильм “Меня зовут Кхан” рассказывает историю мусульманина-аутиста, живущего в Сан-Франциско. Он пытается исполнить свою мечту: встретиться с президентом США и сказать ему “Меня зовут Кхан, и я не террорист”. После событий 11 сентября расисты забивают до смерти сына Кхана — Самира. Фильм содержит сцены разрушения магазинов, салонов красоты и ресторанов, принадлежащих мусульманам. Режиссер взывает западное общество к состраданию, показывая девушек-мусульманок, вынужденных не появляться в хиджабе в общественных местах, травлю в школах в отношении детей мусульман.

Как и любое другое мультикультурное кино, «Меня зовут Кхан» говорит на простом языке, понятном каждому. На протяжении всего фильма, мы слышим фразу: “Есть только два типа людей: хорошие и плохие. Других различий не существует”, призывающую зрителя отказаться от религиозных стереотипов и предрассудков.

В истории мультикультурного кино о жизни мусульман-иммигрантов особое место занимает документальный фильм «New Muslim Cool», что может быть переведено как «Новый Мусульманский Крутой». Фильм повествует о

современном мусульманине Хамзе Пересе — хип-хоп музыканте и наркоторговце. После переезда в Питтсбург, штат Пенсильвания, он решает построить новую жизнь. Хамза уверен, что вера в Бога может помочь людям преодолеть бедность, преступления и несправедливость. Через свои песни, он пытается передать универсальное понимание веры и объединить людей в своей общине, а также, повysить осведомленность о бедности, несправедливости и ущемлении прав.

Члены семьи Хамза Переса изображаются реалистично, без демонизации и искажения, мы видим обычных людей с повседневными заботами. Фильм изображает жизнь Хамзы и его невесты Рафии как жизнь типичной пары молодых американцев — Рафия хочет открыть ресторанный бизнес, она работает и идет в школу, чтобы исполнить свою мечту, Хамза помогает ей в домашних делах. «New Muslim Cool» подчеркивает положительную роль ислама в жизни главного героя. Хамза находит в своей хип-хоп музыке способ, с помощью которого он может практиковать свою веру и начать кампанию против наркотиков. Фильм рассказывает о том, как Хамза отправляется в тюрьму, чтобы встретиться с заключенными, представителями разных культур, и рассказать им о том, как изменить свою жизнь. Другая сцена в фильме подчеркивает мирное и универсальное послание ислама, когда Хамза и его друзья молятся в мечети. Мы видим, что имам мечети напоминает верующим: «все мы произошли от одной и той же матери, того же отца.. как же мы можем воевать друг с другом? ... держитесь вместе и не позволяйте ничему разделить вас».

Этот фильм отступает от парадигмы стереотипного исламофобского изображения мусульман-иммигрантов в западных медиа. Фильм достигает своего апогея в одной из самых тревожных сцен, демонстрируя, как к мусульманам относятся с подозрением и предрассудками, ФБР совершает в мечеть Хамзы во время пятничной молитвы и арестовывает некоторых членов

общины, включая Хамзу. Фильм показывает, что ФБР не дает никаких объяснений или оправданий ареста, чем вызывает недоумение у представителей исламской общины, которые являются членами американского общества и требуют равных прав. В данном документальном фильме показано, как закон о противодействии терроризму, принятый в 2001 году, стал репрессивным инструментом, ущемляющим права и свободы мусульман и ставший инструментом антиисламской пропаганды. Фильм показывает, как арест заставляет мусульман чувствовать боль несправедливости.

«New Muslim Cool» демистифицирует негативные стереотипы о мусульманах, которые широко распространены в западных медиа, показывает разнообразие расового и этнического состава мусульман в Америке. Создатели фильма предлагают зрителю критически мыслить о взаимоотношениях мусульман и американцев. Фильм также дает пример того, как знакомство с «другим» помогает укрепить доверие к «другому» и справиться со страхом «другого».

Признавая безнравственность террористических актов, мультикультурное кино призывает зрителя анализировать и критиковать всеобъемлющие политические, социальные и экономические вопросы, которые способствуют совершению таких актов, в том числе тотальную социальную несправедливость, с которой сталкиваются мигранты.

Кроме того, мультикультурное кино пытается познакомить европейского зрителя с исламом, подсвечивая в нем идеи, близкие западным ценностям. В фильме «Меня зовут Кхан» мы не раз слышим аяты Корана из уст главного героя (например, сура 5, аят 32).⁷⁵

Резкий взлет мультикультурной повестки и толерантных настроений в кино, очевидно, имеет политическую и идеологическую подоплеку, о чем свидетельствует особый успех мультикультурных фильмов на международных

⁷⁵ «Смерть невинного — это преступление против всего человечества.»

кинофестивалях. Экзотичность кинокартины и актуальная тема становится пропуском в мир большого кино для молодых режиссеров, выходцев из исламского мира. Фильм «Кус-кус и барабулька», рассказывающий о бедной арабской семье, выживающей на юге Франции, был признан лучшим фильмом на кинопремии Сезар 2008 года и обеспечил режиссеру Абделатифу Кешишу мировую славу.

Принятая UNESCO в 2005 году Конвенция о защите и развитии многообразия культурных проявлений стала документальным выражением тенденции на продвижение идеи эффективного межкультурного диалога. Кино, рассказывающее о жизни иммигрантов, приобретает важное идеологическое значение и выполняет целый ряд функций.

В первую очередь, оно рассказывает представителям западной культуры о национальных и религиозных меньшинствах, выделяя и подчеркивая те ценностные и культурные установки, которые оказываются наиболее близкими европейцу. Таким образом снимается ощущение неприятия и тотального непонимания Другого, появляются точки культурного соприкосновения, помогающие мирно разрешить или вовсе не допустить конфликты межэтнического характера.

Другими социально значимыми задачами мультикультурного кино, становится влияние на представления потенциальных иммигрантов о жизни в эмиграции и косвенное влияние на сокращение миграционных потоков.

2.3. Иные подходы к визуализации образа мигранта-мусульманина

Если медиатексты, в основе которых лежит дискурс исламофобии или мультикультурный дикурс, изображают мусульман одномерно «плохими» или «хорошими», то современные документальные фильмы и иные медиатексты, напротив, предлагают более тонкий и сложный образ мусульман-мигрантов, показывая их носителями смешанных идентичностей.

Одним из первых показательных примеров конструктивного подхода к репрезентации мусульман оказалась смелая инициатива, предпринятая Кёльнским радио в 1988 году. Тогда при участии таких немецких востоковедов как Рейнхард Шульце, Гернот Роттер, Фарук Сун, Гудрун Кремер и А.-М. Шиммель впервые был организован и проведен цикл передач, освещающих различные аспекты ислама. Этот проект оказался значимым сразу в нескольких направлениях. Во-первых, он решал проблему дефицита знаний франкоговорящей аудитории об исламе. Во-вторых, благодаря использованию не политических, а научных методов и использованию доказанных исторических фактов, репрезентация мусульман была более объективна. В-третьих, проект не прекратил существование после окончания цикла передач, но обрел новую жизнь в книге «Ислам», вышедшей на немецком языке.

Наиболее интересным в рамках данного исследования, нам представляется визуализация образа мигранта-мусульманина в современных западных медиа. В связи с этим, ниже будут рассмотрены художественные подходы, используемые современными кинематографистами.

Образ меньшинства и иммигрантов был рассмотрен широким кругом современных европейских режиссеров. Работы этих режиссеров затрагивают самые значимые и противоречивые аспекты современной европейской иммиграции.

Фильмы «В этом мире» (2002) Майкла Уинтерботтома и «Блокпосты» (2000) Ставроса Иоанну используют документальный реализм для описания

путешествия иммигрантов в современную Европу. «В этом мире» отслеживает путь двух афганских подростков Джамала и Энята от их лагеря беженцев на северо-западе Пакистана до Великобритании. «Блокпосты» рассказывает историю Ахмета, курдского беженца, получившего отказ в предоставлении убежища в Греции, в знак протеста он живет с другими курдами на городской площади Афин. Оба режиссера рассказывают невероятно актуальные истории, снимая жизнь беженцев очень маленькой командой, избегая избитого сценария и заранее подготовленных диалогов. В съемках принимают участие непрофессиональные актеры с их реальными жизненными занятиями и обстоятельствами. В фильме «В этом мире» Джамал и Энят взаимодействуют, в первую очередь, с пакистанцами, курдами, турками, персами и арабами – они практически не контактируют с белыми европейцами. Фильм не показывает кадры, на которых Джамал только прибывает в Великобританию. Сходным образом, в фильме «Блокпосты» большая часть фильма показывает события, происходящие на площади Кумундуру, в социальном пространстве, почти лишенном этнических греков. В то время как вступление в Европу и интеграция в европейское общество являются мнимой целью главных героев, основная часть европейского общества практически невидима в этих фильмах.

Оба фильма заканчиваются отчаянием и смертью главных героев. В фильме «В этом мире» Энят скончался во время мучительного путешествия на лодке из Турции в Италию, Джамалу отказали в предоставлении убежища в Великобритании. В фильме «Блокпосты» Ахмет погибает по дороге в Италию, брат Ахмета и его друг Зирек совершают самоубийство, сжигая себя в центре Афин. Из-за ограничительной европейской миграционной политики герои этих фильмов были лишены выбора. Окончание их историй смертью воспринимается неизбежным и неотвратимым. Судьба тех мигрантов, которым все же удается войти в европейское общество, лежит за рамками этих фильмов, и вызывает у зрителя тревогу.

В фильмах Стивена Фрирза «Грязные прелести» (2002) и Константина Гианнариса «От края города» (1998) ведется рассказ о персонажах, которым удалось войти в европейское общество, но существование в нем оказывается невероятно сложным.

Место действия – многонациональные центры (Лондон и Афины соответственно), на примере которых эти фильмы показывают уязвимость новоприбывших иммигрантов перед эксплуатацией и вовлечением в мир организованной преступности. «Грязные прелести» рассказывает историю Окве, врача из Нигерии и политического эмигранта, который вместе со своей турецкой подругой Синай работает в отеле и оказывается замешан в преступлении, связанном с черным рынком донорских органов.

«От края города» рассказывает историю Саши, молодого казахского иммигранта, грека по происхождению, который предлагает сексуальные услуги состоятельным афинянам обоих полов и проводит большую часть времени, катаясь по городу с другими разочарованными молодыми иммигрантами, которые, как и он, безуспешно пытаются примирить проституцию с гипермаскулинностью, ожидаемой от мужчины в уличной культуре. В то время как в фильмах «Блокпосты» и «В этом мире», европейское общество отвергает иммигрантов и не нуждается в их рабочей силе, фильмы «Грязные прелести» и «От края города» показывают эксплуатацию принятых иммигрантов. Оба фильма имеют дело с превращением тел иммигрантов в товар через проституцию, сексуальное рабство, насилие на рабочем месте или удаление органов.

Фрирз и Гианнарис проливают свет на скрытые от среднего европейца и шокирующие стороны притеснения этнических меньшинств.

Если документальный реализм, как считается, подходит для репрезентации особенностей миграции, в своих фильмах Фрирз и Гианнарис используют популярные кинематографические ходы (психологическое

напряжение, неожиданные сюжетные повороты, смешные диалоги, кульминационная структура) для раскрытия опыта иммигрантов, уже прибывших в Европу.

Фрирз является посредником между субъективностью меньшинства и развлечениями популярной культуры. Гианнарис изображает безумную пустоту социальной среды главного героя через быстро сменяющиеся кадры, непоследовательный монтаж, пульсирующую клубную музыку и рыхлую структуру повествования, перемежающуюся краткими отрывками интервью, в которых Саша отвечает на вопросы режиссера, заданные из-за камеры.

Механизмы репрезентации в этих фильмах требуют от зрителя признания этической ответственности за социальную несправедливость, изображенную на экране.

Во франкоязычных фильмах Михаэля Ханеке «Код неизвестен» (2000) и «Скрытое» (2005) подвергаются сомнению социальные привилегии этнического и религиозного большинства.

«Скрытое» изображает вторжение в личную жизнь, которое угрожает репутации главного героя фильма, представителя среднего класса. Серия пугающих видео и записок отправляется в дом Лоранов, буржуазной семьи, живущей в Париже. Отец семейства Жорж подозревает в этом Маджида, который в детстве был ненадолго усыновлен родителями Жоржа. Маджида взяли в семью Лоранов после того, как его родители исчезли, предположительно погибли в печально известной резне алжирских иммигрантов, устроенной парижской полицией 17 октября 1961 года. Когда Жорж начинает усердно искать Маджида, его отношения с женой Анной оказываются под угрозой – раскрываются разрушительные секреты о виновности Жоржа в изгнании Маджида из родительского дома. Травматичные межкультурные столкновения в фильмах Ханеке будоражат публику.

В фильме «Код неизвестен» главная героиня, парижская актриса, подвергается назойливому преследованию араба в метро. Государство не принимает участия в этих столкновениях, предполагая, что мультикультурные противоречия будут все больше оживлять общественную жизнь до тех пор, пока социальное неравенство сохраняется в европейском обществе. В отличие от фильмов, которые обсуждались выше, фильмы Ханеке не сосредоточены на очеловечивании иммигрантов и представителей меньшинств. Вместо этого они показывают, словно в кривом зеркале, буржуазные страхи и опасения, связанные с мультикультурализмом. Иммигранты или представители меньшинств предстают как непредсказуемая и непостижимая сила, как для буржуазных героев фильма, так и для зрителя. В фильме «Код неизвестен» домогательства, которым подвергается Анна остаются необъяснимыми как для нее, так и для зрителя. В «Скрытом» отрицание Маджида виновности в преследовании Жоржа и следующее за этим самоубийство переворачивает предвзятое отношение Жоржа к виновности Маджида.

Вместо того, чтобы наслаждаться привилегированным доступом к личному опыту иммигрантов и представителей меньшинств, что позволило бы лучше понять их, зрители фильмов Ханеке погружаются в ошибочные представления буржуазных героев, этот эффект усиливается от двусмысленности повествования, которая делает события неопределенными и непрозрачными.

Фильмы, упомянутые в этой главе, рассматривают иммигранта-мусульманина под разными ракурсами, не пытаются упростить его образ или показать его плоским и односложным. Они нацелены не на аудиторию меньшинств, но, вероятно, обращены к представителям культурного большинства. Режиссерам рассмотренных фильмов удастся привлечь внимание зрителя на роль государственной политики и многообразие обстоятельств, обуславливающей жизнь мигрантов-мусульман в странах Запада.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Мы начали данное диссертационное исследование с рассмотрения феномена стереотипных образов этнокультурных меньшинств, рассмотрели паттерны формирования таких образов, их значение и влияние на массовое сознание, и пришли к выводу, что именно средства массовой информации в процессе осуществления массовой коммуникации в числе первых провоцируют стандартизацию взглядов и реакций аудитории на мусульманское меньшинство. «Миф» об исламе, включающий множество стереотипов, стал мощной силой, способной оказывать прямое и косвенное влияние на образ мыслей и суждения жителей стран Запада.

В ходе работы была достигнута цель исследования — были выявлены существующие стереотипы о мусульманском мире в целом и мигрантах-мусульманах в частности. Был проведен анализ влияния этих стереотипов не только на общественное мнение, но и на поведение аудитории.

Также, были рассмотрены характерные черты дихотомии «Запад-Восток» и предпосылки ее формирования. Мы уделили особое внимание формированию мифологических и легендарных представлений, которые существовали в западном сознании на протяжении всей истории межкультурного взаимодействия, и особенно ярко проявляют себя в настоящее время. Исторические предпосылки формирования искаженного образа мусульман лежат в конфликте между исламом и христианством, начавшемся еще в VII веке и актуализирующемся в периоды всех последующих культурных противостояний. Также, мы уделяем особое внимание событиям 11 сентября 2001 года, которые сказались не только на восприятии Западом ислама и мусульман в целом, но, что более важно, на отношении западных обществ к диаспорам мусульман-иммигрантов, включая не только бедняков и беженцев, но и образованных и состоятельных выходцев из стран Ближнего Востока.

К общим особенностям репрезентации исламского меньшинства мы можем отнести эпизодичность и недостаточность тематического охвата. Иными словами, аудитория получает мало информации об условиях иммигрантов в своих странах, обстоятельствах и проблемах, с которыми сталкиваются иммигранты в принимающих странах, и социальных причинах их проблем. События, связанные с преступлениями мигрантов-мусульман освещаются очень активно, в то время как социальный, культурный, религиозный или экономический контекст в значительной степени игнорируется.

Особое значение имеет проведенная классификация подходов к репрезентации мусульман-мигрантов. В западных медиатекстах мы можем выделить две основных стереотипных модели репрезентации мусульман-мигрантов: мусульманин-враг/антагонист и мусульманин-жертва/младший товарищ, нуждающийся в помощи. Эти модели мы рассмотрели в рамках двух противоборствующих дискурсов — исламофобии и мультикультурализма.

Результаты исследования подтвердили, что стереотипные образы мусульман-иммигрантов в западных медиа исторически обусловлены и унаследованы от ориенталистской традиции востоковедов европейского колониализма. Массмедиа рассматривают ислам в рамках изобретенной идеологической структуры, наполненной предрассудками. Мы утверждаем, что образ ислама в большем количестве медиатекстов стран Запада искажает действительное положение дел и стигматизирует социальную группу мусульманского меньшинства.

Однако в последние десятилетия наблюдается и положительная динамика в попытках конструктивной репрезентации мусульман-мигрантов в некоторых западных медиатекстах, преодолевающих и трансформирующих доминирующие режимы репрезентации.

Конструктивные стратегии отмечают многогранное освещение иммигрантов-мусульман и отказ от односторонних упрощенных образов.

Подобные медиатексты обращены к представителям культурного большинства и призывают их к критическому взгляду на роль государственной политики и многообразии обстоятельств, обуславливающей жизнь мигрантов-мусульман в странах Запада.

Рассмотренные в работе сюжеты из средств массовой информации и кинематографа, очевидно, составляют лишь небольшую часть медиатекстов, посвященных мигрантам-мусульманам в современной западной культуре, однако, они оказываются репрезентативными в анализе тенденций визуализации мусульман и ислама.

Сохранение существующих паттернов репрезентации мусульманской общности и выделение только ее отличий от групп, находящихся в большинстве, может привести лишь к эскалации негативной мифологизации образа мусульманина-иммигранта и распространению представлений о несовместимости ислама с развитым цивилизованным миром. Поиск конструктивных форм репрезентации, напротив, будет способствовать установлению отношений взаимопонимания и уважения в западном обществе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Агеев В. С. Психологическое исследование социальных стереотипов // Вопросы психологии. 1986. № 1.
2. Акопян Н.А. СМИ как фактор формирования стереотипов в молодежной среде: автореф. дис. канд. социол. наук. Майкоп, 2010.
3. Армур Р. Христианство и ислам: непростая история / Роллин Армур; пер. с англ. Анна Гумерова, Юрий Маслов. М.: Библ.-богосл. ин-т св. апостола Андрея, 2004.
4. Ачкасов В.А. Мегалополисы перед вызовами иммиграции из мусульманских стран // «Ислам в России: культурные традиции и современные вызовы». Материалы из международной научной конференции. Санкт-Петербург, 26-28 сентября 2013 г. / Под ред. Т.Г. Туманяна. СПб., 2013.
5. Байдаров Е.У. Проблемы дихотомии «Запад–Восток», «Восток–Запад» в глобалистике // CREDONEW. Теоретический журнал. Санкт-Петербург. 2007. № 4 (52).
6. Беда Достопочтенный. Церковная история народа англоv / Пер.: В. В. Эрлихман. СПб.: Алетейя, 2001.
7. Бенхабиб С. Притязания культуры. Равенство и разнообразие в глобальную эру / Пер. с англ.; под ред. В. И. Иноземцева. — М.: Логос, 2003. 350 с.
8. Больц Н. Азбука медиа. М.: Европа, 2011. 136 с.
9. Бурдые П. Начала / Пер. с фр. Н . А . Шматко . — М .: Socio-Logos, 1994.
10. Воге П. Н. Ислам в современном мире // Актуальные проблемы Европы. Сер. Европа: XXI век : Сб. науч. тр.. - 2008. - № 1

11. Гантамиров Т. Т. «Современные проблемы и перспективы развития исламоведения, востоковедения и тюркологии» // Ислам и Европа. 20 Октябрь 2010 г.
12. Ислам в Европе и в России: [сборник статей] / сост. и отв. ред. Е.Б. Деминцева. – М.: Изд. дом Марджани, 2009.
13. Канарш Г.Ю. Мультикультурализм: социальная концепция и социальные практики // Знание. Понимание. Умение. 2011. № 1.
14. Кардини Ф. Европа и ислам: история непонимания / Серия «Становление Европы». / Пер. с итал. Е. Смагиной, А. Карловой, А. Митрофанова. – СПб.: Александрия, 2007. – 332 с
15. Липпман У. Общественное мнение. Пер. с англ. Т.В. Барчуновой; редакторы перевода К.А. Левинсон, К.В. Петренко. М.: Институт Фонда “Общественное мнение”, 2004.
16. Лучицкая С.И. Образ другого: мусульмане в хрониках Крестовых походов. СПб.: РАН, Алетейя, 2001.
17. Малахов В. С. «Национализм и культурный плюрализм» // Национализм как политическая идеология. М.: КДУ. 2005.
18. Мусульмане на Западе. (Сб. ст.) /Ин-т изуч. Израиля и Ближ. Востока, Рос. акад. естеств. наук; [Сост. М. Р. Арунова]. - М. : Ин-т изуч. Израиля и Ближ. Востока, 2002.
19. Новейший философский словарь. Главный научный редактор и составитель А. А. Грицанов. – Мн.: Современный литератор, 2007.
20. Ноэль-Нойман Э. Общественное мнение. Открытие спирали молчания: Пер. с нем./Общ. ред. и предисл. Мансурова Н.С. — М.: Прогресс-Академия, Весь Мир, 1996. 352 с.
21. Ольшанский Д.В. Психология масс. СПб.: Питер, 2002. 368 с.
22. Ослон А. Уолтер Липман о стереотипах: выписки из книги «Общественное мнение» / А. Ослон // Социальная реальность. 2006. №4.

23. Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс / Перевод: С.Л.Воробьев, А.М.Гелескул, Б.В.Дубинин и др. М., 2001.
24. Павловская А.В. Этнические стереотипы в свете межкультурной коммуникации. // Вестник МГУ. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 1998, №1
25. Уотт У. Влияние ислама на средневековую Европу. М., 1976.
26. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций /Самюэль Хантингтон: пер. с англ. Т. Велимеева, Ю.Новикова. – М.: АСТ, 2005.
27. Шихирев П. Н. Современная социальная психология в Западной Европе // П. Н. Шихирев. М. : Наука, 1985.
28. Штайн Л. В черных шатрах бедуинов. М., 1981.
29. Эспозито Дж. Ислам: Почему мусульмане такие. М.: Эксмо, 2011.

На европейских языках:

30. Boomgaarden, H. G., & Vliegenthart, R. How news content influences anti-immigrant attitudes: Germany, 1993-2005. *European Journal of Political Research*, 48, 2009. 516-542.
31. Charteris-Black, J. Britain as a container: Immigration metaphors in the 2005 election campaign. *Discourse & Society*, 17, 563-581, 2006.
32. Chomsky, N. *Middle East Illusions: Including Peace in the Middle East? Reflection on justice and nationhood.* Maryland: Oxford, 2003.
33. Esposito J. L. *The Islamic Threat, Myth or Reality.* New York: Oxford University press, 1992.
34. John C. Lamoreaux, *Early Eastern Christian Response to Islam, в Medieval Christian Perceptions of Islam: A Book of Essays*, ed. John Victor Tolan Garland Medieval Case Books 10, Garland Reference Library of the Humanities 1768. New York and London: Garland, 1996.

35. Krüger, U. M., & Simon, E., Das Bild der Migranten im WDR Fernsehen. *Media Perspektiven*(3), 105-114, 2005.
36. Law, I., Svennevig, M., & Morrison, D. Privilege and silence. 'Race' in the British news during the General Election campaign, 1997. Research Report for the Commission for Racial Equality. Leeds, 1997.
37. Moore K., P. Mason P., Lewis J. Images of Islam in the UK: The Representation of British Muslims in the National Print News Media 2000–2008. Cardiff School of Journalism, Media and Cultural Studies, Cardiff, 2008.
38. Müller, D. Die Darstellung ethnischer Minderheiten in deutschen Massenmedien. In R. Geißler & H. Pöttker (Eds.), *Massenmedien und die Integration ethnischer Minderheiten in Deutschland* (pp. 83-126). Bielefeld: transcript, 2005.
39. Naficy H. *An Accented Cinema: Exilic and Diasporic Filmmaking*. Princeton: Princeton UP, 2001.
40. Nelson, T. D. *Handbook of Prejudice, Stereotyping and Discrimination*. New York: Taylor & Francis Group, 2009.
41. Ovey N. Mohammed, S.J., *Muslim-Christian Relations: Past, Present, Future*. New York: Orbis Books, 1999.
42. Poole E. *Reporting Islam: Media Representations of British Muslims*. London, 2009.
43. Richardson J. *(Mis)representing Islam: The racism and rhetoric of British broadsheet newspapers*. John Benjamins Publishing Company, 2004.
44. Richardson, J. E. «Get Shot of the Lot of Them»: Election Reporting of Muslims in British Newspapers. *Patterns of Prejudice*. 2009.
45. Saeed, A. Media, racism and Islamophobia: The representation of Islam and Muslims in the media. *Sociology Compass*, 1(2), 2007.
46. Said, E.W. *Culture Imperialism*. New York: Vintage Books, 1994.
47. Said, E. W. *Covering Islam: How The Media and The Experts Determine How We See The Rest of The World*. New York: Pantheon Books., 1997.

48. Saeys, F., & Coppens, T.. Belgium. In J. ter Wal (Ed.), Racism and cultural diversity in the mass media. An overview of research and examples of good practice in the EU member states, Vienna, 1995-2000. PP. 90-105.
49. Shaheen J. G. The TV Arab. Ohio: Bowling Green State Univ. press, 1984.
50. Shaheen J.G Reel Bad Arabs: How Hollywood Vilifies a People. New York: NorthHampton, 2001.
51. Schurz, K., Dietrich, N., Jirschwitzka, J., Schott, C., Wolf, K., & Frindte, W. Auswertung der Medienanalyse (A. o. t. m. coverage, Trans.). In W. Frindte, K. Boehnke, H. Kreikenbom & W. Wagner (Eds.), Lebenswelten junger Muslime in Deutschland (pp. 518-573). Berlin: Bundesministerium des Innern, 2012.
52. Top, B., Onderzoeksverslag Zwart-wit: onderbelicht? : onderzoek naar multiculturele fotografie in Nederlandse kranten en jongerenbladen. Amsterdam: Werkgroep Migranten en Media Nederlandse Vereniging van Journalisten. 2000.
53. Oxtoby W. G. Western Perceptions of Islam and Arabs // M. Hun son and R. Wolfe (ed.) The American Mekia and the Arabs. Wash. D. C. Center for contemporary Arab Studies, Georgetown Univ., 1980.
54. Van Gorp, B. Where is the frame? Victims and intruders in the Belgian press coverage of the asylum issue. European Journal of Communication, 20(4), 484-507, 2005.

СПИСОК ЭЛЕКТРОННЫХ РЕСУРСОВ

На русском языке:

55. Известного голландского режиссера Тео Ван Гога убили из-за снятого им фильма (2 ноября 2004 г.) [Электр.ресурс] // NEWSru.com. URL: <http://www.newsru.com/cinema/02nov2004/teo.html> (дата обращения 25.02.2014)

56. Ионина М.А., Сизых И.С. Социально-психологические стереотипы в средствах массовой информации // Актуальные проблемы авиации и космонавтики. 2010. №6. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/sotsialno-psihologicheskie-stereotipy-v-sredstvah-massovoy-informatsii> (дата обращения: 26.04.2017).

57. Магомедов К.М. Ислам как политический фактор сегодняшней России. Опыт Европы // Политика, государство и право. 2012. № 5. URL: <http://politika.snauka.ru/2012/05/358> (дата обращения: 26.01.2017).

58. Малашенко А.В. Демография мусульманства. История и исторический процесс // материалы научной конференции / // Медина. Издательский дом. URL: <http://www.idmedina.ru/books/materials/?1021> (дата обращения: 17.03.2017).

59. Тихонова Евгения Петровна "Восток Запад" знаковая веха культурной рефлексии XX-XXI вв. // Вестн. Том. гос. ун-та. 2007. №298. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/vostok-zapad-znakovaya-veha-kulturnoy-refleksii-xx-xxi-vv> (дата обращения: 06.04.2017).

60. Глостанова М.В. Постколониальная теория, деколониальный выбор и освобождение эстетизма // NB: Культуры и искусства. 2012. № 1. URL: http://enotabene.ru/ca/article_141.html (дата обращения: 15.03.2017).

На европейских языках:

61. Europe: Representations of ethnic minorities and their effects // ResearchGate URL:

https://www.researchgate.net/publication/312164172_Europe_Representations_of_ethnic_minorities_and_their_effects#pff (дата обращения: 10.03.2017).

62. Hasan M. Know your enemy. Politics 9.07.2009 // New Statesmen URL: <http://www.newstatesman.com/2009/07/mehdi-hasan-muslim-terrorism-white-british> (дата обращения: 12.01.2017).

63. Hate Crime Statistics // FBI: UCR URL: <https://ucr.fbi.gov/ucr-publications#Hate> (дата обращения: 10.03.2017).

64. Lykidis A. Minority and Immigrant Representation in Recent European Cinema // Building Walls in a Borderless World: Media and Human Mobility across Divided Spaces Jaime J. Nasser, Spring 2009: 37-45. URL: <http://cinema.usc.edu/assets/096/15613.pdf> (дата обращения: 25.11.2016).

65. Montes de Oca E. Islamofobia // Rebellion URL: <http://www.newstatesman.com/2009/07/mehdi-hasan-muslim-terrorism-white-british> (дата обращения: 12.01.2017).

66. Quel est le poids de l'islam en France? Par Samuel Laurent et Alexandre Pouchard // Le Monde URL: http://www.lemonde.fr/les-decodeurs/article/2015/01/21/que-pese-l-islam-en-france_4559859_4355770.html (дата обращения: 12.01.2017).

67. Religion in England and Wales 2011 // Office for National Statistics URL: <http://www.reeer.us/17c929ae> (дата обращения: 12.01.2017).

68. The Islamophobia Network's Efforts to Manufacture Hate in America By Matthew Duss, Yasmine Taeb, Ken Gude, and Ken Sofer. 2015 // Center for American Progress URL: <https://www.americanprogress.org/wp-content/uploads/2015/02/FearInc-report2.11.pdf> (дата обращения: 19.12.2016).

69. The shameful Islamophobia at the heart of Britain's press // The Independent URL: <http://www.independent.co.uk/news/media/the-shameful-islamophobia-at-the-heart-of-britains-press-861096.html> (дата обращения: 12.01.2017).

70. UK Masjid Statistics Muslims In Britain / 18.08.2010 / Mehmood Naqshbandi. // Muslims in Britain URL: http://www.muslimsinbritain.org/resources/masjid_report.pdf (дата обращения: 22.01.2017).

71. 5 facts about the Muslim population in Europe by Conrad Hackett 19.07.2016 // Pew Research URL: JULY 19, 2016 <http://www.pewresearch.org/fact-tank/2016/07/19/5-facts-about-the-muslim-population-in-europe/#> (дата обращения: 01.03.2017).